

بورهل اكن كمي ال

Тече не убежато.

КНИГА ВТОРАЯ

БОСИКОМ ПО СТЕКЛАМ

Алекс Д и Лана Мейер

**Алекс Д
Лана Мейер**

Босиком по стеклам. Книга 2

Серия «Восточные (не)сказки», книга 9

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66716106

Аннотация

Арабская принцесса и американский программист. Казалось бы, эти две вселенные никогда не должны были соприкоснуться, но Коулман Мердер решил, что именно с ним Анджелина Саадат обретёт вожаденную свободу и станет для него спасением от разрушительной тьмы. Вот только он забыл спросить, чего хочет сама принцесса и готова ли она шагнуть за любимым мужчиной через разъединяющую их миры черту по дороге, усыпанной стёклами от разбитых иллюзий.

2-я часть романа.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	48
Глава 4	80
Глава 5	99
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Алекс Д и Лана Мейер

Босиком по стеклам-2

*Единственный способ выжить в этом мире –
это жить без правил.
Из к/ф «Темный рыцарь».*

Глава 1

Мердер

– Боже... это не сон. Не сон, – отчаянный шепот заполняет пространство. Я осезаю неподдельный ужас, панику и бессилие. Они повсюду, в каждой молекуле кислорода и частице пыли. Шок. Страх и осознание.

Голая, растерянная и задыхающаяся – Пикси целиком и полностью в моей власти, но даже не догадывается, что из нас двоих я обнажен гораздо сильнее, несмотря на то, что одежда плотно скрывает тело. Виртуальная смерть и физическое перерождение. Интерфейс новой системы почти загружен.

Я не чувствую собственной кожи, содрав ее наживую. Жар и боль пожирают мои мышцы и сухожилия. Сейчас я как

один из высушенных экспонатов анатомической выставки Bodies, на которую обязательно свожу свою впечатлительную принцессу.

Нас ждет так много интересного.

Игра только началась.

Маски сброшены. Мое безумие больше не тайна.

Я делаю глубокий вдох, испытывая чувство, близкое к облегчению.

– Это не сон, Пикси, – качнув головой, я мягко поглаживаю точеные скулы девушки влажными от ее слюны пальцами. Она вздрагивает, отпрянув. Лягает наручниками, подавленно всхлипывает. – Хотя тебе пока сложно сосредоточиться и заставить свой мозг функционировать в штатном режиме. Ты проспала почти двадцать часов, детка. Но, пожалуйста, сделай усилие. Ради меня.

– Пошел ты, Мердер, – снова выплевывает ангел, глядя на меня как суцая дьяволица.

– Я задал тебе вопрос, – мой голос звучит вкрадчиво, ноздри возбужденно втягивают аромат обнаженного женского тела. Нотки цитруса и мускусный запах страха. Женская память так коротка. Слова, признания, обещания – пустые, ничего незначащие звуки. – Ты готова?

– К чему, твою мать? – озлобленно спрашивает Энжи, сверкая блестящими от слез глазами. Заливистый смех, раздающийся из динамиков, звучит как издевка. На экране она светится счастьем и озорством. Маленькая глупышка Пикси,

убегающая по зеленому лабиринту от самого Дьявола. «Дого-ни меня», дразнит меня юная дочь шейха. «Не поймаешь... Я быстрее, Мердер». Мой наивный ангел с отрезанными крыльями.

Нет, детка. Я всегда буду на шаг впереди, но ты можешь надеяться. Это все, что тебе осталось.

Я выключаю звук, погружая нас в напряжённую тишину. Ее дыхание быстрое, прерывистое. Мое – размеренное и глубокое.

Контроль и доминирование... Добавим сюда манипуляцию и получим три основных мотива, побуждающих к преступлениям серийных убийц. Стану ли я однажды одним из этих чудовищ? Или уже стал? Как определить, где находится грань, переступив которую человек перестает быть «нормальным». Возможно, я пересек ее очень давно, когда, прячась в шкафу, слушал, как в предсмертной агонии кричит моя мать. Она боролась до последнего и звала на помощь, но никто не пришел. Один из клиентов убил ее за жалкие двести долларов, пропавшие из бумажника. Нелепая, глупая смерть. Нэнси была шлюхой и наркоманкой, но никогда не взяла бы чужие деньги. Она не воровка.

– Меня будут искать, Мердер, – сипло шепчет Энжи.

Прислонившись спиной к стене, она поджигает к груди ноги, положив на колени закованные в металлические браслеты запястья. Платиновые волосы, мерцающие в неоновых бликах, излучаемых экранами, шелковистой волной струят-

ся по хрупким плечам. Уязвимая, трогательная в своей бессмысленной борьбе – Пикси вызывает во мне ядерный выброс противоречивых эмоций.

– Будут, – подтверждаю мимолетным кивком и сажусь рядом, касаясь ее плеча своим. Она застывает, но не отстраняется, подсознательно чувствуя, что тем самым только разозлит меня. – Но не найдут.

– Ты идиот, если действительно в это веришь, – хрипло отзывается Энжи.

– Тебе тоже придется поверить, ангел, – мягко говорю я, согнув одну ногу в колене. Запрокинув голову, упираюсь затылком в стену и рассеяно смотрю в зеркально отражающий наши действия экран. Белая кожа Энжи, светлый шелк скрывающих ее наготу длинных локонов, моя черная рубашка и взлохмаченный ежик темных волос, вместе мы создаем идеальный контраст. Неужели она не видит очевидного?

– И что теперь? Изнасилуешь меня? Сделаешь своей сексуальной рабыней и будешь держать взаперти в этой клетке? – озвучивает свои страхи, и сама до конца в них не верит.

– Тебе решать, каким будет наше будущее, Пикси, – спокойно отвечаю я.

– Разве отсутствие одежды и наручники не говорят сами за себя? Ты обещал мне крылья, – горечь последней фразы оставляет едкий осадок у меня во рту.

– Я спросил тебя – готова ли ты их принять?

– Какой-то бред... – уронив голову на запястья, устало

стонет Энжи. – Тебе нужна помощь, ты очень болен, Коулман. Неужели сам не видишь?

– Я болен, – признаю, не моргнув глазом. – Ты можешь меня вылечить.

– Как? – измученно всхлипывает Пикси.

– Быть той, кем ты всегда хотела быть. Со мной. Для меня. Для себя. Для нас двоих. Мы можем стать свободными. Ты и я. Здесь и сейчас, – перечисляю я, невольно расплываясь в предвкушающей улыбке.

– Нет, Мердер, – сцепив зубы, цедит ангел, дрожа от ярости и шока. – Тебя поймают и казнят. Это случится рано или поздно... Боже, что ты натворил, Коул, – отчаянный стон с шипением вырывается из ее губ. – Зачем? Ты же не настолько глуп, чтобы не осознавать, что такие поступки не могут остаться безнаказанными. Твоя дружба с Амираном...

– В прошлом, – обрываю я бессмысленный лепет Энжи. – Оставь свои надежды на всесильного короля Анмара. Он не поможет.

Мне не хочется пугать ее сильнее, но я должен. Она обязана понять, что сопротивление приведет к еще большим страданиям. Я же предлагаю ей совершенно другой путь. Лучший и единственно верный.

– Я должен кое-что тебе рассказать, чтобы ты не тешила себя напрасными иллюзиями, – боковым зрением я вижу, как она поворачивает голову и настороженно смотрит на меня.

– Что? – в голосе звучит неподдельная тревога. – Что еще ты натворил?

– Твое сорвавшееся похищение на «Саботаж» несколько недель назад, – неторопливо начинаю я. Она со свистом втягивает воздух, догадавшись обо всем сама. Если бы Энжи рассталась с розовыми очками раньше, то поняла бы сразу, кто на самом деле организовал похищение.

– Это был ты, – произносит потухшим тоном, уставившись на свои скованные кисти.

– Глава Мирзы проведет жизнь в тюрьме за преступление, которое не совершал, но он виновен в другом, Пикси. Шейх аль-Кадир действительно замешан в связях с Шатрами Махруса, но не настолько смел, чтобы бросить вызов королю.

– Зачем? – едва слышно спрашивает ангел.

– Мотив очевиден. Я надеялся выиграть время и рассчитывал, что у королевского семейства хватит благородства и смелости, чтобы отменить помолвку с принцем Атара. Но Амиран, как обычно, предпочел припрятать грязное белье подальше от людских глаз.

– Это называется ответственность, Мердер. Ответственность перед своей семьей, страной и подданными, – повернув голову, я встречаю ее горящий раненый взгляд. Черты лица Анджелины заостряются, принимая хищное выражение. Она сжимает ладони в кулаки, и только пробудившийся здравый смысл и инстинкт самосохранения удерживают Энжи от прямого нападения. – Меня могли изнасиловать. Эти

ублюдки не шутили, когда сдирали мою одежду и расстёгивали штаны, чтобы засунуть в меня свои грязные органы.

– Все должно было выглядеть достоверно, ангел, – обхватив пальцами ее подбородок, я уверенно смотрю в полыхающие яростью глаза. – Они ничего бы не сделали.

– Этих людей убили ради твоей прихоти, – в сердцах восклицает Энжи, бессильно звякнув железными браслетами. – Ты – чудовище, Мердер. Убийца.

– Они выкрали и продали десятки девушек, – крепко удерживая ее лицо за скулы, я не даю Анджелине отвернуться и отвести взгляд. Излучаемые Пикси гнев и ярость проходят сквозь меня, но не затрагивают ничего внутри. – Таких же, как ты, детка. Невинных, красивых, юных и мечтающих о счастливом будущем и большой любви. Однажды эти мечты могли воплотиться в реальность, но многих из них давно нет в живых, а те, кому повезло больше, безропотно ублажают похотливых шейхов, давно потеряв веру в спасение. Вот, кто настоящие чудовища, ангел. Мир ничего не потерял после гибели этих ублюдков.

– Решил поиграть в Бэтмена, Мердер, примерить роль мстителя в маске? Этим ты успокаиваешь свою совесть? – ожесточённо бросает ангел, с вызовом глядя мне в лицо.

– У меня нет совести, Энжи, – медленно произношу я, запечатывая ее губы большим пальцем. – И меня не интересуют чужие роли. Мсть – последнее, о чем я думал, когда организовывал твоё похищение.

– Которое из двух? – дернув головой, запальчиво спрашивает Анджелина.

– Оба, – отзываюсь с легкой улыбкой, запуская ладонь в густые локоны. Сдавив ее затылок, сталкиваю нас лбами и шепчу прямо в приоткрытые в возмущении губы. – Я – эгоист, детка, и беру то, что хочу, не спрашивая ни у кого разрешения. Не надо напоминать мне о безумии. Мы уже прояснили этот вопрос. Меня интересует другой. Ты хочешь, чтобы я снял наручники?

– Да, – поспешно кивает ангел, недоверчиво уставившись на меня.

– И чтобы вернул твою одежду, и позволил тебе выйти отсюда? – вкрадчиво продолжаю я.

– Да, Коулман... Прошу тебя, – с мольбой шепчет Пикси.

– И чтобы успокоил твоих обезумевших от тревоги родителей, к этой минуте поднявших на уши все спецслужбы мира в тщетной надежде найти так и не долетевшую до Роха дочь? – расслабив хватку, ласково глажу ее по волосам, настойчиво опрокидывая спиной на матрас и нависая сверху.

– И при этом остался жив и защитил тебя и королевскую семью от позора? – раздвинув коленом ее ноги, требовательно вклиниваюсь между ними, надавливая внушительным бугром на ничем неприкрытую промежность. Она судорожно сглатывает, дергается всем телом, инстинктивно сводя колени. В округлившись небесно-голубых глазах читается откровенный страх с примесью абсолютно противополо-

ложного чувства. – Я не слышу ответа. Ты хочешь этого? – она неуверенно кивает, сомневаясь, что под моими словами подразумевается именно то, что я перечислил ранее, а не то, что прямо сейчас она чувствует своей невинной дырочкой. – Скажи вслух, детка, – хрипло требую я, запрокидывая скованные запястья Пикси и припечатывая их одной рукой к матрасу над ее головой. Теперь между нами только моя рубашка и брюки, от которых я собираюсь как можно скорее избавиться. Мне нужна ее кожа, прилипшая к моей. Ее дыхание, слившееся с моим, мне нужен ее умоляющий шепот, лживые обещания и ее будоражащий запах, пропитавший сбившиеся простыни под нами.

– Да, я хочу, чтобы ты отпустил меня и защитил мою семью от скандала, – отвечает ангел. Умная малышка и смелая. Другая бы на ее месте уже билась в истерике и призывала на помощь своего Бога.

– Очень хорошо, малышка, – чуть приподнявшись, я опускаю взгляд на ее торчащие соски. – Великолепно, – удовлетворённо выдыхаю, возвращаясь к пылающему лицу.

– Здесь холодно, – спешит оправдаться смутившийся ангел.

– Мы выяснили, чего хочешь ты, Пикси, – погладив налившуюся грудь тыльной стороной ладони, я опускаю руку ниже. Звякнув пряжкой ремня, быстро расстегиваю брюки и достаю из боксеров окаменевший от возбуждения член. – И ты знаешь, чего хочу я, – несколько раз передернув ладо-

нюю по напряженной длине, сжимаю у основания и ударяю головкой по крошечному комочку чувствительной плоти. – Вопрос в том, как нам объединить наши желания. Или выражусь более понятно. Готова ли ты удовлетворить мои желания, ангел? Если да, то, может быть, я подумаю о том, что смогу сделать для тебя.

– Ты маньяк, – сбивчиво дыша, шипит Энжи. Мой член тем временем скользит вдоль влажных складочек, а ладонь перемещается на судорожно дёргающийся живот и плавно двигается к груди. – Все это... – она кивает в сторону экранов, – тому подтверждение.

– Ты права, детка, – сжав между пальцами острый сосочек, я делаю еще одно скользящее движение бедрами. Она хватается губами воздух, стискивая зубы и со свистом выдыхая. – Это мой алтарь, посвященный тебе. Только тебе. Разве не об этом мечтают все наивные девочки? Стать центром преклонения и вожделения для своего мужчины. Признай это как истину, ангел, – никто и никогда не захочет тебя сильнее, чем я, – скользнув языком по плотно сжатым губам, хрипло шепчу я. – Никто не даст тебе больше, чем я.

– Мне ничего не нужно, – трясет головой Энжи, но вязкие соки, покрывающие мою эрекцию, говорят об обратном. – Ты одержим, Мердер. Это безумие.

– Свобода и безумие, Пикси. Тебе это нужно, не пытайся отрицать, – ткнувшись носом в ее щеку, вынуждаю ангела взглянуть на монитор. – Смотри, ангел. Это ты и твои жела-

ния. Я ничего не придумал. Все здесь, перед твоими глазами, – растирая большим пальцем тугую вершинку, ритмичными скольжениями дразню ее снизу раскаленным членом, надавливая именно там, где Пикси обычно трогает себя, думая, что никто не видит, как она украдкой доставляет себе удовольствие. – Только представь, детка, сколько раз я дрожил, глядя, как ты делаешь то же самое в своей постели. Иногда мы кончали одновременно...

– Заткнись, Мердер, – дернув головой, она обжигает меня горячечным взглядом. – И прекрати тереться об меня, как долбаный извращенец, – пылая от ярости, бросает мне в лицо. – Если за мою свободу я должна расплатиться телом, то просто сделай это и отвали.

Скептически выгнув бровь, я внимаю ее гневу и недолго замедляюсь, вдавив раскаленную головку в набухший клитор. Ее зрачки становятся огромными и черными, как масляны, губы предательски подрагивают, камешки возбужденных сосков царапают мою рудную клетку. Толкнув бедра вперед, усиливаю нажим, и она вскрикивает, как от боли, инстинктивно прогнувшись.

– Давай же. Насилуй, трахай, – рычит сквозь подступившие рыдания. – Я же здесь за этим?

– Насилуй? – переспрашиваю я, нежно накрывая ладонью ее пылающую щеку. – Ты кончишь подо мной даже в свой первый раз. Твоя маленькая дырочка слишком долго ждала, а воображение с регулярной частотой рисовало, как это бу-

дет. Ты уже получала со мной оргазм, и тебе хочется ещё, ещё больше. До конца, по-настоящему. Сейчас ты будешь отрицать это, но в глубине души тебе это даже нравится – отсутствие выбора, мой контроль, твоя беспомощность.

– Нет, – беззвучно открываются ее губы.

– Твоя мокрая щёлка считает иначе, – в доказательство своих слов снова начинаю двигаться, распределяя обильную влагу по налившимся лепесткам. На этот раз быстрее, интенсивнее, в одном ритме. Дрожащее тело Энжи покрывается бисеринками пота, как и мое. От напряжения темнеет в глазах, губы пересыхают от рваного тяжелого дыхания.

– Хватит, Колман. Я не хочу... Мне не нужно, – слезы в ее отчаянном бормотании смешиваются с беспомощными стонами.

– Заткись, Пикси, – подсунув руку под ее затылок, слегка приподнимаю, заставляя смотреть, как готовый взорваться член быстро скользит вдоль блестящих от соков складок. – Видишь, как ты не хочешь? – хриплю я, шлепая концом по клитору. – Как тебе не нужно...

Она вскрикивает, кусая губы, бормочет что-то невыразительное, елозит задницей по матрасу и снова всхлипывает, на этот раз умоляюще, за что после будет себя отчаянно презирать. Пикси вряд ли знает, что оргазм или возбуждение очень часто являются самопроизвольной реакцией организма на огромное напряжение и страх, а я вот знаю и бессовестно использую. Еще один шлепок, и ангел с силой жму-

рит глаза, издавая горловой стон.

– Давай, маленькая шлюха. Кончай для меня, – стройное тело, содрогаясь, выгибается подо мной, полностью отдаваясь болезненному запретному наслаждению. – Да, детка, вот так. Громче, не держи в себе.

Пикси мычит, стискивая зубы и скрывая стоны, но они все равно вырываются приглушенными всхлипами. Из-под сомкнутых век стекают прозрачные слезы – самый мощный афродизиак, насквозь пробивающий подступившей волной удовольствия. – Тебе же хорошо. Не о чем плакать, – утешаю рыдающую Энжи, оплакивающую свой насильно вырванный оргазм. Опустив руку между нашими телами, я делаю несколько быстрых движений ладонью по набухшему члену и с хриплым удовлетворённым стоном изливаюсь на идеально гладкий лобок ангела.

– Кайф, детка, – стряхивая последние капли, расслабленно шепчу я, размазывая семя по ее животу и замороженно наблюдая за собственными движениями.

Есть в этом процессе что-то животное, первобытное. Желание пометить, утащить в свою берлогу, затрахать до смерти, а потом накормить, приласкать и снова оттрахать. Окунув два пальца в белую вязкую жидкость, я подношу их к приоткрытым губам пытающейся отдышаться Анджелины. Проталкиваю фаланги в ее рот, до того, как она успевает понять, что происходит.

– Оближи, ангел, – требую, просунув пальцы глубже. –

Расслабь губы и поработай язычком, – подняв на меня расфокусированный, подёрнутый туманом взгляд, Энжи инстинктивно повинуетя. Мягко обхватывает пальцы влажным теплом, слизывает и проглатывая капли семени. – Потренируйся, прежде чем возьмешь в рот что-то более внушительное, – хрипло ухмыляюсь, трахая ее губы пальцами. – Тебе нравится, ангел? Я вижу, что да. Ты умница, Пикси.

Неожиданная покорность Энжи дает прямой импульс моему стремительно твердеющему члену. Опустив взгляд вниз, она тоже замечает мою растущую эрекцию и испуганно дергается назад.

– Не бойся, детка. Сегодня я тебя больше не трону, – оставив влажный след на ее щеке, я убираю руку. Рубашка, пропитавшаяся потом, неприятно липнет к телу, и я торопливо стаскиваю ее с себя и бросаю на испачканный спермой живот Анджелины. – Вытрись, – приказываю, не задумываясь о том, как нелегко ей будет это сделать закованными руками. Избавившись от брюк и белья, я вытягиваюсь рядом с недовольно пыхтящей и сопящей Пикси и прикрываю глаза, чувствуя, как меня накрывает накопившаяся усталость.

– Мердер, а наручники? – толкнув меня плечом, спрашивает Энжи.

– Я думаю, что ты еще пока не готова к тому, чтобы вкусить все прелести свободы, – лениво отвечаю я, тут же слыша свирепое шипение:

– Ты ублюдок. Ты обещал, что...

– Ангел, речь шла о моих желаниях, а мы всего лишь потерлись друг о друга. Это даже не репетиция перед действием.

– Но ты же мог... – она вдруг запинаясь и наверняка краснеет. – Я бы не сумела тебя остановить.

– Ты бы даже и не попыталась, но здесь не лучшее место для всего того, что я жажду с тобой сделать, – ухмыляюсь я, приоткрывая один глаз. Анджелина так яростно и возмущенно смотрит на меня, что мне приходится открыть и второй. – Ты дьявольски хороша, ангел.

– Наручники, Колман! – подняв вверх запястья, требует разгневанная Энжи.

– Я сниму их, если ты мне отсосешь, – заявляю я самым невозмутимым тоном, небрежным жестом поправляя все еще не опавшую эрекцию. – Как тебе такое встречное предложение?

– Да пошел ты! – задохнувшись от негодования, рычит ангел. – Подонок... извращенец, маньяк...

– Тогда спокойной ночи, Пикси, – обрываю поток комплиментов в свой адрес и поворачиваюсь к ней спиной. – Поболтаем утром. Я дико устал, пока организовывал твое путешествие сюда.

– Может, хотя бы скажешь, где мы? – начинает торговаться Пикси.

– Сюрприз, ангел, – уклончиво бормочу в ответ. – Узнаешь, когда я решу, что настало время.

Недовольно фыркнув, Анджелина ненадолго замолкает, продолжая при этом вертеться, как уж на сковородке.

– Ты можешь выключить экраны? – снова раздается ее тихий голос. Вздыхнув, нажимаю кнопку на смарт-часах, и комната погружается в полную темноту.

– А если я захочу в туалет?

– Тебе стоило подумать об этом до того, как ты попросила убрать свет, – хмуро отзываюсь я. – Прямо и направо до упора. Толкнешь дверь и окажешься в ванной комнате.

– А мои руки?

– Придумаешь что-нибудь, – раздраженно рявкаю я и резко оборачиваюсь. В крошечной мгле лицо Энжи неразличимо, но мне не нужно ее видеть, чтобы представить, как она кусает губы и изо всех сил сдерживает слезы. Черт бы побрал эти женские рыдания. Положив руку на талию Пикси, рывком притягиваю ее к себе, позволяя уткнуться хлюпающим носом в мое плечо. – Спи, ангел.

– Я не могу.

– Тогда дай мне поспать пару часов.

– А что будет потом?

– Утро, ангел, – скользнув пальцами по ее позвоночнику, размещаю ладонь на упругой заднице. Может быть, это и не так плохо – делить постель и свои секреты с женщиной, от запаха которой сносит крышу и закипает кровь.

– Нет, я имею в виду, когда ты... сделаешь со мной все, что нафантазировал в своей голове, – поясняет она, пошеве-

лившись в моих объятиях.

– А ты как думаешь? – улыбнувшись в ее макушку, спрашиваю я.

– В фильмах маньяки обычно убивают своих жертв после... после всего, – запнувшись, толкает она мне полную дичь. Разразившись гомерическим хохотом, я успокаиваюсь, только когда ее острые зубки прикусывают кожу на моем плече.

– Я не собираюсь убивать тебя, ангел, – утешаю кусачую хищницу. – Но не факт, что ты выживешь..., – срываюсь на смех. – После всего, что я сделаю с тобой.

– Скажи мне еще кое-что, – спустя пять минут долгожданной тишины, снова пристает ангел. – Мне важно это знать, Коулман.

– Спрашивай, – нехотя соглашаюсь я, заранее зная, что из моей сговорчивости не выйдет ничего путного.

– Я – первая, за кем ты следишь из темноты?

Моргнув, я смотрю в сгустившуюся над потолком мглу.

– Мердер?

– Нет, ангел, – коротко отвечаю я, и она каменеет в моих объятиях, покрываясь мелкими пупырышками. – Не задавай вопросы, ответы на которые в действительности не хочешь знать.

– Что с ней случилось? С той, что была до меня.

– Пикси, я предупредил, – недовольно рявкаю я.

– Скажи!

– Она умерла.

– Как?

– Мучительно.

Анджелина делает судорожный вдох. Минута молчания тянется целую вечность.

– Я ее не убивал, ангел, – произношу прежде, чем она осмелится спросить. – А теперь, будь добра, закрой свой сладкий рот хотя бы на пару часов.

Глава 2

Мердер

– Мистер Бишоп, доброе утро. Ваш завтрак, – приветливо улыбнувшись, смазливая горничная заталкивает тележку в просторный холл номера люкс.

– Оставьте здесь, дальше я сам. Спасибо, Майя, – вежливо благодарю, бегло взглянув на бейдж.

– Хотите что-то еще? – остановившись в нескольких шагах от двери, интересуется горничная, ощупав любопытным взглядом мой забитый татуировками торс и плечи, и даже область ниже пояса, прикрытую намотанным вокруг бедер полотенцем.

В любом другом отеле подобного уровня ее поведение можно было бы назвать непрофессиональным и вопиющим, но в Лас-Вегас люди приезжают, чтобы отрываться на полную катушку. Вся структура развлечений города грехов заточена на то, чтобы клиент получил удовольствие, каким бы извращенным оно не было. Поэтому никто из администрации отеля не удивился, когда я озвучил свои «необычные» требования по внутреннему обустройству одной из комнат номера. Любой каприз за ваши деньги, господа.

– Отель Bellagio готов предоставить особенным постояльцам расширенный спектр услуг, – светясь готовностью приступить к «услугам» прямо здесь и сейчас, с чувственной многообещающей улыбкой произносит Майя.

– Спасибо, милая, – сунув пятьсот баксов в декольте блузки горничной, я указываю взглядом на дверь.

– Вы так добры, мистер Бишоп. Уверены, что больше ничего не нужно? – явно довольная чаевыми, девушка выпячивает объемную грудь и не спешит удаляться.

– Я вызову тебя, если понадобится, а пока мне нужно немного подкрепиться.

– Приятного аппетита, мистер Бишоп, – многозначительно улыбнувшись, она наконец разворачивается к двери. Шлёпнув девушку по призывно покачивающейся заднице, значительно ускоряю процесс ее дефиле в коридор.

Заблокировав замок изнутри, я возвращаюсь в спальню, куда под утро перенёс спящую Анджелину, толкая перед собой тележку с завтраком.

Ангел, разумеется, уже не спит. Растрёпанная и злая, она сидит на кровати размера кинг-сайз, прикованная одним наручником к перекладине изголовья. Вторая ее рука абсолютно свободна и суетливо шарит по постели в поисках чего-нибудь тяжелого, но, конечно же, ничего не найдет.

– Мистер Бишоп? – зло кривя губы, пренебрежительно фыркает она.

– Да, мисс Хейли, – отвесив шутливый поклон, отвечаю

я. – Мисс Анжела Хейли, – взяв с прикроватной тумбочки удостоверение личности, бросаю его Энжи. Она умудряется ловко его поймать и изумленно вертит в бледных пальцах, словно никак не решаясь признать, что все происходящее – реальность, а не затянувшийся сон. – Твои новые документы, детка. Анжела Хейли, американка, сирота, двадцать три года, родилась в Хьюстоне. Закончив местный колледж, какое-то время работала официанткой в придорожной забегаловке, там же познакомилась с Колином Бишопом, тридцати трехлетним брокером из Бруклина, заглянувшим в кафе по пути в аэропорт. Щедрый и обаятельный Колин Бишоп влюбился в Анжелу с первого взгляда. Сдал авиабилеты в Бруклин и вместе с официанткой улетел на выходные в Вегас. Вот такая романтическая история, Пикси.

– Официантка? Ты издеваешься? Тебе смешно? – негодуяще вопит ангел, заметив, что меня разрывает от хохота. Присев на край кровати, сдергиваю с ангела одеяло и кладу ладонь на внутреннюю поверхность бедра. Она бьет свободной рукой по моей кисти, издавая кошачье недовольное шипение. Я непринуждённо смеюсь, дергая ангела за ноги и наваливаясь сверху.

– Не благодари, что оставил твое имя почти без изменений. Без него это будешь уже не ты, – оставив легкий поцелуй на ее губах, я резво соскакиваю с кровати и поддвигаю тележку ближе к ангелу. – Голодная? – оценив ее воинственный хмурый вид, беспечным тоном любопытствую я. Кто-

то из нас двоих должен поддерживать баланс в отношениях. Пусть временно это буду я.

– Что это такое, Мердер?

– Зови меня Колин, – подмигнув, поправляю еще больше потемневшую мисс Хейли. – Это твой завтрак, – поясняю для самых глупых и невнимательных и, подняв крышку над одним из многочисленным блюд, жадно втягиваю аромат. – Ммм. Вкуснятина.

– Не валяй дурака, Мердер, – даже не взглянув на тарелку, огрызается ворчливый ангел. – Я говорю об этом месте. Точнее о том, где мы были ночью. Куда все исчезло?

– Нечего не исчезло, детка, – пожав плечами, непринужденно отвечаю я. – Мы переместились в другую спальню. Здесь тебе будет гораздо комфортнее, да и в экранах нет смысла, когда я могу любоваться тобой вживую.

– Так мы в отеле? – задумчиво оглядевшись по сторонам, ангел делает верные умозаключения.

– Бинго, ты угадала, – оторвав кусочек фокаччо, кладу сверху ломтик запеченного баклажана. – Хочешь попробовать?

– Мы точно не в Париже? – оттолкнув протянутую руку, Энжи смотрит на виднеющуюся в панорамном окне Эйфелеву башню.

– Нет, детка. Это точно Вегас, – качнув головой, я откусываю от лепешки. Ангел устремляет на меня изумленный взгляд.

– Значит, все по-настоящему? – натянуто спрашивает Пикси.

– Ага, – мычу я с полным ртом, она снова смотрит в окно, а потом на меня.

– Ты свихнулся? Тебе точно конец, Мердер. Ты похитил члена королевской семьи и незаконно вывез в другую страну. Это даже не тюрьма, а смертная казнь, – запустив пальцы в белокурые волосы, отчаянно стонет Пикси. – Ты точно сумасшедший.

– Мне приятно, что тебе не безразлична моя судьба, – прожевав, с широкой улыбкой отзываюсь я.

– Черт, да причем здесь ты? – взвившись, кричит ангел. – Ты всех нас погубил. Меня, родителей...

– Успокойся. Пока не произошло никакой трагедии. Я проверил сводки анмарских новостей. Тишина. Тебя ищут по закрытым каналам.

– Амиран надеется, что ты одумаешься, – с укором бросает Пикси.

– Напрасно надеется, – передёрнув плечами, приступаю к аппетитно выглядящему овощному Канаццо по-сицилийски. – Зря не ешь. Очень вкусно.

– Как тебе удалось?

Нехотя положив вилку в тарелку, я поднимаю на ангела вопросительный взгляд.

– Долго объяснять, Пикси. Если коротко, то я использовал наработки одной давно покинувшей этот мир женщины-ха-

кера с самым высоким в мире ай-кью и создал уникальную вирусную программу, способную взломать систему любой сложности. Я назвал ее «Ястреб».

– Ястреб? – переспрашивает Пикси, морща очаровательный носик. – Кажется, я что-то слышала...

– Однажды хакер с ником Ястреб чуть не уничтожила целое королевство. Мне удалось ее остановить и взамен на небольшую услугу она поделилась со мной своими разработками, которые я усовершенствовал и превратил в оружие, способное покончить с этим миром одним нажатием клавиши.

– Это блеф, никто на такое не способен, – уверенно заявляет Энжи.

– Ты здесь, Пикси, в сотне тысяч километров от Анмара, а за дверями нашего номера не толпятся агенты спецслужб, и в сети нет ни одной сводки об исчезновении частного самолёта, летевшего рейсом Асад-Роха, – я выразительно развожу руками. – Нужны еще факты?

– Ты взломал бортовой компьютер лайнера? – никак не уgomонится юный Шерлок в юбке. – Но бизнес-джет не мог долететь до Вегаса без дозаправки, без допусков и разрешений...

– Детка, все гораздо проще, чем ты навоображала. Если бы ты не проспала пересадку в Амстердаме, то задавала бы чуть меньше вопросов. Почему бы тебе не расслабиться? Ты в городе грехов, ангел. Нас ждут великие дела, – я игриво

подмигиваю Энжи, но она не разделяет моего энтузиазма и веселого настроения.

– Мои родные сходят с ума от волнения, я в другой стране, прикована к постели, нахожусь в одном номере с абсолютным психом, много лет наблюдающим за мной через скрытые камеры и получающим сексуальное удовольствие от своих нездоровых фантазий. Я понятия не имею, что у этого безумца в голове, но знаю наверняка, что он очень опасен, потому что его мозг работает, как мощнейший компьютер. А еще потому что у него нет ни совести, ни принципов, только личные желания и амбиции, ради которых он готов рискнуть всем, даже собственной гениальной головой. Но самое пугающее заключается в другом. Этот поехавший маньяк зациклен на сексе со мной, но до сих пор так и не приступил непосредственно к цели моего присутствия здесь, а это значит, что на самом деле его возбуждаю не я, а игра, которую он затеял. Мне остается только догадываться, насколько далеко он способен зайти в своих шизофренических идеях, и что станет со мной, когда ему надоест развлекаться. Нужны еще факты, чтобы до тебя наконец дошло, почему я не могу расслабиться? – тяжело дыша от гнева, выпаливает моя пленница.

– Какой-то совсем дерьмовый психологический портрет получился, ангел, – холодно замечаю, окинув ее медленным взглядом.

– Я еще старалась выбирать выражения. Не хотелось бы

увидеть, как у тебя окончательно снесет крышу.

– Мудрое решение, – говорю металлическим тоном, скидывая на пол полотенце. Отпрянув назад, она впечатывается лопатками в обитое черной кожей изголовье и жмурится от страха. Насмешливо фыркнув, я поворачиваюсь к ангелу спиной и иду к встроенному шкафу. Открыв, достаю оттуда трусы, джинсы и футболку. Пока одеваюсь, она напряжённо молчит и сверлит меня взглядом. Похоже, мы оба сегодня останемся без завтрака. И во всем виновата капризная привередливая принцесса. Злая, голодная, в любой момент готовая разразиться новой порцией слез. Мне плевать. В эту минуту я не хочу ее ни видеть, ни слышать.

Настроение резко скакнуло в минус. Слова Пикси, хоть в них не было ничего неожиданного, меня разозлили, всколыхнув внутри не самые светлые чувства. Аппетит пропал напрочь, как и желание сохранять гребаный баланс. Мне срочно нужно потрахаться, или я взорвусь к чертям, или хуже – разнесу тут все, напугав Пикси до потери сознания.

– Ты куда-то уходишь? – встревоженно доносится с постели. Застегнув ширинку, я оборачиваюсь к Пикси. Бледная, осунувшаяся, испуганная. Я испытываю что-то близкое к злорадству. Пусть помучается, раз никак не хочет понять, что в новой реальности – я единственный, кто решает ее судьбу.

– Хочу ознакомиться с полным списком услуг, предоставляем отелем своим особым клиентам, – буднично сообщаю

я, заметив, как на ее щеках выступают красные пятна. Вставив ремень в джинсы, я подхожу к кровати и забираю с тумбочки внутренний телефон. – Это тебе ни к чему. Кричать не советую. Стены здесь звуконепроницаемые. Уборку в номере я на сегодня отменил, так что не надейся, что кто-то придет и чудесным способом тебя освободит, и вернет домой.

– Обязательно быть таким придурком? – побелевшими губами выговаривает ангел.

– Я хочу кое-что объяснить, ангел, – немного расставив ноги, скрещиваю руки на груди и, склонив голову, смотрю в мятежные глаза Энжи, больше всего на свете мечтающей в эту минуту меня убить. – В моем распоряжении не только кадры с твоими веселыми приключениями на «Саботаж» и в моей машине. Амиран закрыл мне доступ в базу Арс, но взломать защиту любой сложности не займет у меня много времени. Поверь, если я почувствую угрозу, то начну бить в ответ. По любому, кто осмелится встать на моем пути. Любому, ангел. Я могу устроить мужу твоей любимой сестры кучу проблем, которые он не разгребёт до конца свой жизни. Подумай об этом, прежде чем выкинуть какую-нибудь глупость.

– Какой же ты мудака. Как я могла так ошибаться в тебе?

– Я дам тебе шанс узнать меня лучше, – бесстрастно парирую я и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, стремительно направляюсь к выходу.

– Не смей оставлять меня тут одну! – отчаянно кричит

мне вслед Пикси.

– Постараюсь недолго. Поешь, – не оборачиваясь, показываю жестом на остывающий завтрак.

– Одной рукой? – скептически уточняет Пикси, дернув на ручником.

– Мне похер, как ты будешь это делать, – грубо бросаю я. – А захочешь отлить, возьмешь одну из пустых тарелок.

– Сукин...

Ее слова прерываются хлопком закрывшейся двери. Выдохнув с облегчением, я вешаю на ручку табличку «не беспокоить» и расслабленной походкой иду в сторону лифтов.

Насвистывая прилипчивую мелодию, я думаю о том, что Пикси в мое отсутствие остынет и разберет бардак в своей голове, а мне срочно нужно выпустит пар. Небольшая пауза нам обоим пойдет на пользу, и вечер обязательно сложится гораздо приятнее, чем утро.

Анджелина

Уму непостижимо. Мы в Лас-Вегасе... При любых других обстоятельствах я была бы жутко рада этому путешествию. Признаюсь честно, в своих мечтах я всегда грезила о подобном безумстве – вольная поездка в Штаты, дорожное путешествие на кабриолете, Харлее или в доме на колесах. Америка всегда ассоциировалась у меня с демократией, свободой и равенством полов. С тем, чего мне так не хватает в

строгих рамках Анмара. Мне казалось, эта страна способна удовлетворить все мои нереализованные потребности, закрыть дыры в моей противоречивой душе, но поездки сюда с родителями заканчивались обыденной рутинной и совместным времяпрепровождением на официальных мероприятиях.

Конечно, я хотела поступить сюда учиться, как Алисия и Ками, и даже успешно сдала все необходимые экзамены. Отец в конечном итоге категорически запретил мне уезжать в Штаты и настоял на том, чтобы я поступила в американский филиал крупного университета.

«Образование здесь такого же превосходного качества, зачем тебе уезжать далеко от нас, милая?», – это была одна из сотен фраз Джаред Саадата, которая в очередной раз лишила меня выбора.

Такого не было даже с сестрами. Должно быть, моя великолепная игра в «хорошую девочку» и «типичную мусульманку» в стенах родного дома позволила им наградить меня клеймом самой не проблемной, послушной дочери. И пока я воспринимала подобный артистизм как свое преимущество и возможность отрываться на «Саботаже», они принимали за слабость и невозможность взять на себя ответственность за свою жизнь.

Именно поэтому, даже после истории с Алисией, они и мне подсунули политический брак.

Нужно было пресечь все на корню. Настоять на своем уни-

верситете, на своем выборе, смело заявлять о своих желаниях и отстаивать свои границы. Но заигравшись в хорошую девочку, я даже спорить не стала. К тому же мой влюбленный мозг не хотел расставаться с Коулманом и терять его из виду.

И вот, оказавшись в штатах без семьи и родителей... я понимаю, что отдала бы очень многое за то, чтобы сейчас увидеть их лица.

Представляю, с какой бешеной скоростью теряет нервные клетки мама, находясь в полном неведении о моем местоположении.

Коулман зашел слишком далеко в своей одержимости. Это правда уже за гранью, и я не шутила, когда пророчила ему смертную казнь. Иногда... мне кажется, что он даже сам не понимает, к каким разрушительным последствиям может привести его авантюра.

Порой этот злобный гений напоминает мне ребенка, запертого во взрослом теле. Он заигрался... как и я.

Увы, это не «сим-сити», Мердер. Нельзя хакнуть всю защитную систему Анмара и Соединенных Штатов просто набрав замысловатый пароль в строке кода. Даже в самых идеальных матрицах и программах, созданных тобой, бывают лаги. Амиран аль-Мактум и Джаред Саадат обязательно найдут меня, отыщут лазейку в твоей защите. И после они предъявят тебе такой счет, какой тебе никогда не покрыть.

У меня скулы сводит от злости, стоит лишь вспомнить самоуверенный взгляд и небрежно брошенные слова Мерде-

ра. Но ничего. Злость – это прекрасно, учитывая то, что она ощущается куда лучше, чем растерянность, подавленность и уязвимость, что терзала меня в экранной комнате.

Совершая глубокий вдох и выдох, фокусируюсь на своем теле. Наручники сдавливают запястье, пальцы немеют, недополучая дозу крови. Недовольно поджав губы, приступаю к еде – хотела бы я изобразить королевскую гордость и устроить голодовку, но это максимально глупо. Силы понадобятся мне для побега или сопротивления. Не обращая внимания на вид изысканных блюд на подносе, я просто закидываю еду в желудок – одной рукой, как придется. Для меня это лишь калории, белки, жиры и углеводы сейчас. Наверное, со стороны все это выглядит как акт компульсивного переедания в три часа ночи, но мне плевать.

Надкусывая свежий и хрустящий круассан, вновь бросаю взгляд в окно. Моему взору доступна лишь маленькая щель, сквозь которую призывно выглядывает фейковая Эйфелева Башня. По тени, падающей на объект, я могу предположить, что сейчас около четырех часов вечера.

– Мать его, он привез меня в Вегас. Незаконно протащил через границу. Поверить не могу. Он настоящий псих... Как ты докатилась до такого, дурочка? – интересуюсь у самой себя, бросая взгляд на зеркальный потолок. Выгляжу я не как принцесса, а как шлюха не первой свежести. С горькой обидой всхлипываю, пытаюсь продумать тактику своего будущего поведения.

Никогда не была в Вегасе.

Это место явно не для наследниц арабских стран. Хотя, я всегда хотела попасть в этот город. Хоть разок оторваться здесь на полную катушку. Как говорится: будь осторожнее со своими желаниями...

Внезапный стук в дверь заставляет меня подавиться внушительным кусочком французской булки. Закашлявшись, я напрягаюсь всем телом, мысленно перебирая варианты того, кто может оказаться за дверью.

Это точно не Коулман. Стучать высокомерный ублюдок бы не стал, а вышиб вместо этого хлипкую дверь с ноги.

– Ох, простите... Добрый день, мисс, – горничная, застывшая на пороге нашего номера, явно не ожидала увидеть внутри такую картину. Хотя, она, должно быть, частенько становится свидетельницей таких цирковых и эротических представлений, что ее уже ничем не удивить.

Девушка, привязанная к постели наручниками? Обычное дело, ни разу не повод для сигнала SOS или звонка в полицию.

– Таблички «не беспокоить» на двери не было. У вас прибраться? Не помешаю?

– Да, конечно, – теряюсь, еще до конца не осознав, что привлекательная латиноамериканка может стать моим прямым билетом домой.

– С вами все в порядке? – разложив специальные тряпки и химические средства для уборки помещений, девушка бро-

сает на меня обеспокоенный взор карих глаз. Разглядывает меня чересчур интенсивно, явно оценивает. По моему телу бежит табун мурашек, и я не знаю, с чем это связано... Возможно, с тем, что я замечаю одну «особенность» девушки. Одна из ее стройных и длинных ног состоит не из плоти и крови, а является металлическим протезом. Весьма высокотехнологичным.

Жутко представить, через что прошла эта красивая и молодая женщина. Удивительно, насколько уверенной она себя чувствует и транслирует это в окружающее ее пространство. В ней нет скромности и услужливости, свойственной горничным.

– В этой жизни можно потерять все, но самое страшное – потерять себя, – замечая мой пристальный взор, прикованный к ее щиколотке, комментирует его она.

Мне мгновенно становится стыдно за то, что я настолько заострила внимание на ее железной ноге. Потупив взгляд, возвращаюсь к булке.

– Простите, я просто растерялась. Не ожидала гостей. Мой парень... эм, оставил меня в таком состоянии. И да, как видите, я не в порядке, – поясняю, встряхнув закованным в плен запястьем.

– Парень? Это не мое дело, мисс, но вы уверены, что он ваш парень? – интересуется девушка, проходясь пылесосом по коврику перед кроватью.

А я... я не знаю, что мне делать. Не стань я свидетелем

экранной комнаты, я бы уже давно кричала и умоляла бы ее о помощи. Но какой в этом смысл? В номере могут быть установлены камеры Мердера. Возможно, прямо сейчас ублюдок сжигает калории на беговой дорожке и наблюдает свое любимое шоу со мной в главной роли.

– Да, абсолютно. У нас медовый месяц и все такое. Захотелось освежить чувства. Сами понимаете, страсть живет три года без подобных приключений, – пожимая плечами, бросаю любопытной горничной. Лихорадочно пытаюсь сообразить, стоит ли идти на риск.

Как попросить ее о помощи, не произнося ни слова, не выдавая себя? Ответ приходит незамедлительно: на прикроватной тумбочке я замечаю ручку и стикеры для заметок.

– Ох да. В Вегасе и не такое увидишь. Однажды, я пришла прибираться в очередной номер и увидела одного из Голливудских звезд. Он был привязан к стулу. За подобное фото я могла бы получить тысячи долларов, – подмигивая мне, заливаясь смехом девушка. – В итоге, бедняга отделался лишь автографом. Уж больно я люблю его фильмы, чтобы разрушить карьеру. Другое дело – когда в подобной ситуации находится женщина. Я не приемлю патриархат ни в каком виде, – вслух рассуждает она. – Всегда оказываю помощь беднякам, ставшими жертвами города грехов и этого пафосного отеля, – фыркает, взмахивая темными волосами.

Она явно в открытую предлагает мне свою помощь, даже настаивает на ней. С каждой секундой мои подозрения воз-

растают.

Так стоп... а что, если у меня паранойя, и девушка действительно хочет помочь мне?

– Да уж. Мы все любим погрешить, – невнятно лепечу я, пытаюсь прочесть ее личность по мимике лица.

– Определенно. Для этого и существует этот безумный город. «Все что случилось в Вегасе, остается в Вегасе». С одной оговоркой: если ты за это хорошо заплатишь. Так что будь осторожна. Я не знаю, кто твой клиент, но...

– *Что? Клиент?* – я едва ли не задыхаюсь, опешив от того, что она приняла меня за шлюху и так открыто заявила об этом. Я принцесса Анмара, мать твою!

Так унижительно я никогда в жизни себя не чувствовала.

– Вам не кажется, что вы слишком много болтаете? – рывкаю я, испытывая внутри жуткий стыд за то, что прикрикнула на девушку, которой в этой жизни и так пришлось несладко.

В ответ сногшибательная латиноамериканка обжигает меня таким взором, что не по себе становится. Смотрит так, словно жаждет свести со мной личные счеты. Вместо того, чтобы напасть на меня, она с остервенением взбивает подушки на ближайшем диване. Ее зубы стиснуты, губы поджаты.

– Простите, я не хотела вас обидеть. Я становлюсь жутко раздражительной, когда в номер приносят не соответствующую мне пищу. Не могла бы я заказать веганский обед в номер? – в голову приходит отчаянная идея.

– Разумеется, – сухо бросает девушка, сверкнув наточенными лезвиями, отраженными в ее зрачках. Такое чувство, что она непременно бы сточила их об меня, будь у нее такая возможность.

Есть у меня одна догадка. Она – одна из его шлюх. Но я не могу быть уверена в этом на сто процентов. Воспользоваться шансом или упустить, все глубже уходя в параноидальные мысли?

Плюнув на возможные последствия, я пишу на одном из стикеров несколько предложений: «Меня похитили. Мне нужна помощь американской полиции и властей. Я принцесса одного небольшого восточного государства. Позвоните по этому номеру, мой отец – шейх Саадат. Он отдаст за меня большое вознаграждение».

– Тогда прошу принять мой заказ, – протягиваю горничной крохотную записку. – У меня аллергия на глютен, боюсь, что из-за этого завтрака я очень скоро покроюсь сыпью, – стараюсь дружелюбно поднять уголки губ, пока девушка нейтральным жестом принимает заказ и также натянуто улыбается мне. – И можно декаф на кокосовом молоке?

– Любой каприз для постояльцев отеля «Белладжио». Будет сделано, мисс, – она кивает, убирая записку в карман формы. Со всеми химическими принадлежностями девушка удаляется в ванную. Следующие десять минут, пока она прибирается, я без устали ловлю на себе ее изучающий взгляд. Она явно неровно дышит ко мне, и с каждой секундой я все

больше убеждаюсь в том, что совершила ошибку.

Ну и плевать. Не убьет же он меня. Живой я нужна ему, абсолютно живой...

Примерно через час после визита горничной в комнату врывается Мердер. Как я и предполагала: залетает в номер без стука. Пружинистая походка альфа-самца делает его похожим на Амирана Аль-Мактума. Почувствовал власть мальчик, еще и корону надел... Ничего, Мердер, я ее с тебя быстренько скину. Только время дай. Не на ту напал, не с той связался.

Я – Анджелина Саадат, и я себя в обиду не дам. Безвольных шлюх ищи на своем рабочем столе, но никак не во мне.

– А если бы я в тарелку писала? – выплевываю вместо приветствия. – Стучать не научили?! – заряжаю вступительные аккорды по его нервам.

– А тебя не научили не делать глупостей? – он швыряет в меня тот самый стикер, в котором я узнаю свой просроченный билет на свободу.

Что ж, горячая красotka – его сучка. Сучка, причем не проходная, иначе бы он не подпустил ее так близко ко мне здесь, в Вегасе. Пока не знаю, что делать с этой информацией, но я определенно теперь стану предусмотрительнее и всегда буду доверять своим чувствам и ощущениям.

– Ненавижу тебя, подонок! – рычу в ответ, кидая в Мердера подушку со всей дури.

Его ноздри раздуваются, стоит ему поймать быстролетя-

щий объект. Сжимая мягкую вещь в напряженных ладонях, он снова опускается рядом.

– Это была всего лишь маленькая проверка, Пикси. И урок для тебя, – мужская ладонь скользит по моей ноге. Он снова нарушает мои границы, проламывая их все сильнее. Энергетика Коулмана поглощает меня мгновенно. Он всегда ощущается темной подводной пещерой, из которой нет выхода. И если есть у этого чудовища сердце, то только там – на самом дне, в плотно запертом сундуке, покрытом мхом и плесенью. Иногда Мердер напоминает мне ядовитое растение, что способно потихоньку пускать свои корни внутри и разрастаться до дьявольских размеров.

– Что ты сейчас усвоила?

– Ты подкупил весь персонал в этом проклятом отеле, – фыркаю ему в лицо, всячески демонстрируя то, что его прикосновения мне противны. А он все продолжает меня гладить, и судя по выражению его лица, моя кожа доставляет ему невероятное тактильное удовлетворение.

– Нет, Пикси, это нецелесообразно. Ты не стоишь так дорого, – обесценивает меня он. – Но я действительно просчитал все наперед. Я хочу, чтобы ты понимала, насколько важно – просто расслабиться и получать удовольствие. Все эти записки, призывы к помощи... не сработает. Ничего не сработает, Энжи. Единственный способ для Аль-Мактума и Саадата вернуть тебя – играть по моим правилам, – его лицо озаряет улыбка безумного гения, строящего грандиозные

планы по захвату целого мира. – Тебе бесполезно пытаться сбежать, сообщать кому-то о своем местоположении, – продолжает хрипловатым, вкрадчивым голосом. – Мне нужно... чтобы ты была со мной, а не против меня. Тогда все будет хорошо. И я никогда не сделаю тебе больно. У меня нет такой цели, – продолжает Мердер, касаясь костяшками пальцев моей скулы. – Боль для всех остальных, Анджели-на. А для моей особенной феи только самое лучшее, – он усмехается, его глаза горят отчаянием, безумием и одержимостью... Самое страшное – на какие-то доли секунд я ему верю, пропадая в омуте стальной ртути его глаз, словно зачарованная. Хочется раствориться там, потеряться, безоговорочно верить. Идти за этим мужчиной, быть его «особенной» девочкой. Такой, какая есть. Хорошая, плохая, непослушная, глупая, игривая – не так важно. Мердер всегда видел сквозь мои маски, его внимание и одобрение не приходилось заслуживать.

С ним можно было дышать.

Быть настоящей.

Он то самое зеркало, заглядывая в которое, я вижу себя свободной, расправившей крылья, не сдержанные чадрой.

– И чего ты хочешь, Коул? Чем мне тогда заниматься? Лежать на кровати и ждать, пока ты соизволишь поиметь меня? Зачем все это? Почему именно Вегас?

– Это город, в котором ты можешь не сдерживаться в своих желаниях, – коварно улыбаясь, замечает он. – То, что нуж-

но после долгих лет в неприступном замке.

– Как можно быть собой, если я привязана к кровати? – ною, дергая ножкой, обрывая все его гипнотизирующие прикосновения. – Сними наручники. Коулман, я в туалет хочу. Не хочу делать это в тарелку, – едва ли не плачу я. – И на кровать тоже!

Мердер вдруг глухо смеется, в светлых глазах мелькают такие знакомые добрые искорки. Я так давно их не видела... со времен лабиринта.

Сердце сжимается, непрощенная ностальгия доводит до удушливого кома в горле.

Кто ты, Коулман Мердер?

– Хорошо, Энжи. Как скажешь, принцесса, – заветный щелчок на наручниках открывает во мне второе дыхание. Как только освобождаюсь от тугого предмета, потираю затекшее запястье, не в силах скрыть праздный триумф и полное удовлетворение. – Переоденься и приведи себя в порядок, – он бросает взгляд в сторону большого картонного пакета, оставленного на столе. Я и не заметила, что у него в руках что-то есть, когда он вошел. – Нас ждут великие дела. Здесь ты найдешь все самое необходимое для свидания, – после этих слов он нежно целует меня в обнажённую коленку и, подмигнув, быстро ретируется, оставляя меня с биполярным расстройством, охарактеризовывающим мои чувства к нему, наедине.

Первое, что делаю – бегу в душ, едва ли не пританцовывая. Такое чувство, что я не смогу дышать, если обнаружу на теле еще хоть один комок грязи. Усиленно натираю кожу мочалкой, словно она способна снять с меня душок позора и стыда, оставленными в подарок экранной комнатой. Но в итоге только царапаю до красноты свою кожу.

Покидая кабину, провожу ладонью по запотевшему зеркалу, поднимая взор на девушку с аквамариновыми глазами.

Любой, кто меня не знает, скажет:

Какие у нее могут быть проблемы? Золотой ребенок. Привыкла с пеленок получать все самое лучшее. Личные водители, повара, учителя, любые возможности, любящие родители, огромная семья... Эта девчонка благословлена Аллахом, Вселенной, единым Богом.

Наверное, это самое страшное: иметь все и не чувствовать счастья.

Быть готовой отдать это самое все за то, что действительно тебе необходимо и недоступно. А может – и это самообман, и получив желаемое, ты не придешь к заветной гармонии и счастью.

Ты недостаточно хороша.

Ты не так умна и серьезна, как твои сестры.

Ты должна держать спину ровно, всегда улыбаться, выгля-

деть с иголки для снимков камер.

Ты не можешь позволить себе слабость, не можешь позволить себе лишнее пятнышко от кофе на светлой парандже.

Ты не можешь выйти из резиденции без платка, даже если он слетел от ветра.

Ты не можешь смотреть на мужчин в офисе, об этом обязательно напишут в интернет-изданиях.

Ты не можешь, не можешь...

Тебе нельзя.

Ты родилась в роскошной семье, грех жаловаться.

Правда в том, что никакие деньги не способны сделать человека целостным, счастливым и гармоничным, если он живет не свою жизнь.

И для меня весь этот анмарский протокол с его правилами – гранитная плита на моих плечах, на груди. Плита, что неумолимо тянет меня к земле.

Отогнав от себя печальные мысли, я приступаю к сборам. Выбора платьев у меня нет – Коулман преподнёс мне облегающее атласное красное с открытой спиной. В пол. Я бы и сама такое выбрала, поэтому невольно люблюсь своим отражением в зеркале. К нему Мердер подобрал сверкающий чоккер, в котором я узнаю продукт «Лакшери Корп». Издается он так что ли, или просто знает мои вкусы? Завершаю образ босоножками на завязках в греческом стиле.

Чистота тела, свежий парфюм, и я уже чувствую себя живым человеком.

Мердер возвращается ко мне настоящим «черным воротничком», облаченным в классические брюки и темную рубашку. Массивные часы на его запястье цепляют внимание, свежая стрижка делает мужчину еще более привлекательным, чем час назад. Легкая щетина, по которой хочется пройтись ладонью и поцеловать чувственные губы... Я слегка залипаю на этого красавца, пышущего тестостероном, на мгновение забывая, что у нас не медовый месяц. И не «свидание», как сказал он.

У нас – настоящий цирк, в который он меня втянул.

– Отлично выглядишь. Как тебе такой квантовый скачок, Пикси? Удобнее, чем в парандже? – его пристальный взгляд скользит по моему телу, раздевая без единого прикосновения. Его кадык дергается, когда он акцентирует голодный взор на моей груди, что не стеснена бельем.

– Сам выбрал для меня такое платье, – гордо вскинув подбородок, кручусь я. – Чувствую себя голой...

– Мне нравится, – дернув меня за ладонь, стремительно тянет на себя. Обвивает ладонью за талию, прижимаясь ко мне вдруг всем телом. Вдыхает аромат мой, по-звериному раздувая ноздри. Сумасшедший. Дикий совершенно. Его язык скользит вдоль моей шеи, а у меня колени тут же немеют, стоит лишь ощутить жар его тела. Текстуру кожи, плотность сильных мышц. Он обволакивает меня, словно удав, кольцами сворачивающийся вокруг моего беззащитного тела. – Ты ходячий секс, Пикси. У меня чертовски сильно сто-

ит на тебя, малышка, — прижимает за ягодицы к своему паху, всего на мгновение позволяя мне ощутить между ног то, о чем говорит он. — Бл*дь, прости... я хотел быть джентльменом. Не получилось, — горько усмехается, мазнув губами по моим губам. В глазах — восхищение, преклонение... уверенность и бескомпромиссность. Жажда, приправленная его фирменным безумием.

— Постарайся, — бросаю ему я, делая вид, что меня его экспрессия и замашки самца ни капли не впечатляют. Отстраняюсь от мужчины, нарочито поправляя сережки у ближайшего зеркала. — Ты же не животное, Коулман, — стебусь над своим похитителем я, откровенно смеясь в лицо опасности. — Ну что, какие же великие дела нас ждут?

— Пойдем со мной и узнаешь, — глухим тоном произносит Коулман, сгибая руку в локте таким образом, чтобы я могла взять его под нее.

— Не поздоровится тебе, если кто-то узнает меня, — парирую я, выходя с Мердером из номера.

Я должна чувствовать отчаяние, ужас, желание немедленно вернуться домой.

Но ничего этого нет.

Все, что я ощущаю — предвкушение хорошего вечера, приятной неизвестности и долгожданной свободы.

Возможно, я не хочу, чтобы родители или Амиран нашли меня. И это пугает меня куда сильнее, чем вполне миролюбивый сегодня Мердер.

Глава 3

Анджелина

Мы спускаемся в лобби по парадной лестнице. Ее масштабы впечатляют, даря мне ощущение того, что я нахожусь в итальянском средневековом замке. Не скажу, что являюсь фанаткой подобной напыщенности, но глаз определенно радуется смене обстановки и чему-то новому. Анмар прекрасен со своей восточной культурой, но вся эта пустыня уже давно мне застряла поперек горла.

Первое, что бросается в глаза, когда мы оказываемся внизу – разноцветные стеклянные цветы прямо под потолком. Кажется, что небосвод здания представляет собой тысячи бутонов, от которых исходит легкий аромат, не имеющий ничего общего с деньгами и грехопадением.

– Так пахнет свобода, детка, – заявляет Коулман, заметив, с каким любопытством раздуваются мои ноздри. – Это люстра, – поясняет он, кивая в сторону потолка.

– Такая огромная, – восхищенно шепчу я, постоянно оглядываясь по сторонам.

Меня захватывает абсолютно все, что вижу. А еще больше будоражит то, что взгляды многих прикованы ко мне. И

мужчин, и женщин. Одни смотрят с неподдельным интересом, другие – с откровенной завистью. Как бы там ни было, Коулман сделал все, чтобы я не осталась незамеченной, когда выбрал для меня это платье.

– Ты крадешь девушку, а потом делаешь так, чтобы она оказалась в центре всеобщего внимания? С конспирацией у тебя явные проблемы, Кол, – получаю маниакальное удовольствие, цепляя его. И это взаимно. Мы обмениваемся оценивающими ухмылочками с явным подтекстом: «Игра началась. Сейчас я надеру тебе задницу».

– Я все держу под контролем, Пикси. Немного внимания тебе не повредит. К тому же мне нравится, когда все хотят то, что принадлежит только мне, – с придыханием заявляет мужчина, рождая очередной табун мурашек, танцующих на моем затылке.

Как он это делает? Его обаяние однажды убьет меня.

– Остальной сброд может лишь смотреть и пускать слюни на мою греческую богиню, – его ласка убивает меня каждый раз. Дает мне слишком большую надежду на то, что он другой.

Он изменится. Со мной, ради меня, из-за меня...

Это ошибка. Иллюзия. Сказки для наивных дур.

– Самоуверенно, программист, – пренебрежительно опускаю я, напоминая кто он.

И кто я.

– Ты можешь купить половину персонала в этом отеле.

Но тебе никогда не купить того отношения, которое было у меня до всего треша, что ты устроил. Я больше не та наивная девочка, которая будет слепо доверять тебе.

— Кто сказал, что мне нужно, чтобы ты была хорошей, доверчивой девочкой? — Коулман приобнимает меня за талию, его пальцы замирают на моей обнажённой спине. Проклятые бабочки в моем животе возрождаются из пепла и начинают свой хаотичный пляс.

Хочу, чтобы он касался меня, трогал, мял, пробовал... хочу руки его на себе. На своей заднице, на груди, талии... губы на шее и на своих губах. Хочу сплетаться своим телом с его, прижимать к себе, ощущать внутри... черт, я хочу его, что порой нет сил противостоять подобному влечению.

Я ненормальная.

Вспомни экранную комнату.

— Не знаю. Как быть плохой, если плохая будет немедленно наказана и закована в наручники, — ворчу я, проклиная логику Мердера. — И отправлена в порно-ад с собой в главной роли.

Коул снова издает скептический смешок. Раньше нам всегда было весело вместе. Мы могли ржать над какой-нибудь глупостью, искрометно дополняя фразы друг друга...

И это никуда не делось, кажется. Даже учитывая обстоятельства.

— А ты можешь хотя бы один вечер не жить прошлым? — Мердер ловит мой взгляд, пробирается в мысли. — Не жить в

Анмаре? Остановиться здесь, замедлиться, выдохнуть, детка. Здесь и сейчас. Это тебе знакомо? Жить одним днем. Без плана. Без правил. Без потребности быть той, кем ты не являешься. Здесь нет камер. Нет твоих родителей. Здесь только я.

– Не могу.

– Почему?

– Потому что твоя компания мне неприятна, и все свои силы я трачу на то, чтобы тебя вытерпеть, – высокомерно бросаю в его лицо, поднимая на него взгляд. Наши губы на расстоянии пальца друг от друга. Электричество, что искрит и циркулирует между нами, вибрирует в венах, в пространстве, сотрясает огромную люстру над нами.

– Неприятна... хорошо, я запомню, – равнодушно бросает Мердер, и мы идем вместе вперед, проходя мимо игровой зоны отеля.

Никогда не видела ничего подобного. Только в кино, а именно в «друзьях Оушэна». Игровые автоматы, пестрящие цифрами, цветами, светом и надписью «джек пот» расположены аккуратными рядами, так напоминающие лабиринт, из которого нет выхода. В казино нет света, нет окон – только развлечения, бесконечные напитки и атмосфера поглощения. Многие американцы часами сидят у одного автомата и закидывают в него деньги, пока не докурят целую пачку сигарет. Другие – презрительно морщат нос при виде этих игрушек и ретируются к столам с покером, блек – джекком и

рулеткой. Первые считают казино забавным развлечением, вторые – настоящим видом искусства. А я... смотрю на все это и не понимаю, что я здесь делаю и куда Коулман меня ведет. Внезапно к нам подходит кто-то из его людей с обеспокоенным видом:

– Сэр, у меня для вас важная информация, – я не узнаю мужчину, что обращается к нам. Кто-то из его американских шестерок, должно быть.

– Это не терпит времени?

– Нет, сэр.

– Можешь погулять, Энжи. Три минуты. Только помни о том, что мы обсуждали в номере, – обращается ко мне Мердер и отходит со своим докладчиком в сторону. Я тем временем как замороженная тянусь к самой шумной компании в казино, ведомая любопытством, азартом и новыми эмоциями. Интересно понаблюдать хотя бы за одной игрой. Участвовать я не могу, ведь ставить кроме бриллиантового чокера мне нечего. Но вряд ли на него купишь фишки.

– Ваша ставка, сэр, – я подхожу к столу с рулеткой как раз в тот момент, когда один из игроков выбирает фишку определенного номинала.

– Я ставлю на тринадцать..., – разглядываю зеленое поле с красными и черными квадратами, в которых спрятались совершенно разные цифры. Хотела бы я тоже проверить свою удачу.

– Назовите цвет, сэр, – обращается к играющему мужчине

крупье, и я вдруг чувствую на себе его пристальный взгляд. Коулману это не понравится...

Значит, я простою здесь как можно дольше.

– Красный, – скользнув взором по моему платью, привлекательный незнакомец расплывается в заинтересованной улыбке. – Совершенно точно, красный, – дает мне понять, что на его выбор повлиял мой наряд.

Потупив взгляд, заливаюсь румянцем. Так странно... чувствовать на себе столько мужского внимания. Не где-нибудь ночью в пустыне, а вот так... открыто, легально и безнаказанно. Возможно, не будь мой круг общения так узок, я никогда бы не запала на Мердера в таком раннем возрасте.

Крупье бросает шарик на рулетку и запускает колесо. Через некоторое время он останавливается на красной ячейке под номером тринадцать. Все наблюдающие за игрой дружно выдыхают, не веря своим глазам.

– Ваш выигрыш, сэр, – крупье передает фишки довольно улыбнувшемуся мужчине. Очевидно, он здесь не для того, чтобы сорвать куш, ему это явно ненужно. От некоторых людей исходит особая стать, налет богатства и клеймо того, что он вырос в роскоши. Не знаю почему, но по всем невербальным признакам я чувствую, что мы с ним «одной крови». Так я ощущаю себя рядом с Фейсалом и другими мужчинами из круга родителей. И это все несмотря на то, что он одет в простые брюки и поло для игры в гольф.

Сразу после выигрышного кона он подходит ко мне, чтобы

поблагодарить за платье:

– А вы приносите удачу. Точнее, ваше платье, – начинает разговор он, обращая мой взор на себя.

Высокий и широкоплечий – всем своим видом он олицетворяет мужественность, безопасность и целостность. Энергетику человека я всегда считываю мгновенно, и если с Коулманом меня вечно колбасит, как на американских горках, то здесь я испытываю совершенно иные чувства: стоять рядом с ним, все равно что стоять возле океана и смотреть на волны. Его величие поглощает безмолвно, ему не нужно биться о берег волнами, чтобы доказать всему миру свою значимость.

Он мне нравится. У него лукавый взгляд и очень красивые губы, с ярко очерченным контуром. Квадратный подбородок завершает аристократические черты лица.

– Оригинальный подкат. Вы подкупили крупье? – хихикнув, замечаю я, разглядывая светло-карие глаза незнакомца. Медовые даже. С вкраплениями янтаря.

– Это просто приятное совпадение. Звезды захотели, чтобы у меня был повод познакомиться с вами, – за все это время он ни разу не бросил на меня хищный или жеманно-плотоядный взгляд. Если так и будет продолжаться дальше, парень наберет девять баллов по моей шкале.

– Не заметила, что ваш выигрыш как-то повлиял на повод, – в стервозной манере отбрываю его я. – Рада, что вы уйдете из казино не с пустыми руками, – немного сбавляю тон, мягко улыбаясь мужчине.

Стоит потусоваться с ним дольше, чем следует. Он мне только на руку. Коулман будет в бешенстве, когда увидит эту картину.

– Это так, мелочь на развлечения, – он кивает в сторону впечатляющего количества фишек. Уверена, здесь не меньше двухсот тысяч долларов. – Я зарабатываю совершенно иным способом, – расправив широкие плечи, хорохорясь, заявляет мужчина.

– Каким же?

– Помогаю людям, – загадочно улыбнувшись, поясняет он. И что-то в его взгляде и манере общения кричит мне о том, что красавчик не лжет.

– Даже так? И в какой сфере?

– Можно сказать, в политической, – туманно и уклончиво отвечает он.

Слегка напрягаюсь, приподнимая бровь:

– В какой стране, интересно? У вас другой акцент...

– У вас тоже, – замечает он. – И весьма специфический, – мне даже становится обидно от услышанных слов, поскольку я точно знаю, что никакого акцента у меня нет. – Политическая деятельность ведется мною во Франции.

– Oh, c'est merveilleux. Je voulais juste revenir à la pratique du français¹, – смело начинаю говорить на другом языке, невинно поведя плечом.

Я немного смущаюсь, разговаривая на французском. Но

---

¹ О, это чудесно! Я как раз хотела вернуться к практике французского.

с каждым произнесенным мною словом, мужчина начинает сиять все ярче и ярче. Его улыбка становится такой широкой, что кажется, сияет сильнее всех ночных огней Вегаса.

– Votre français est excellent. C'est une grande rareté. L'avez-vous enseigné à l'école ou pour vous-même?²

– Для себя. Хотела прочитать «Отверженных» в оригинале.

– Вы не похожи на девушку, что читает Гюго на досуге, – он снова бросает на меня оценивающий взгляд.

– Goethe habe ich auch im Original gelesen. Der Schein trügt,³ – воинственно заявляю, бегло переходя на немецкий.

Ох, не зря я с детства увлекалась языками. Кажется, он впечатлен.

– И вы тоже не похожи на политика, – намекаю на его красноречивую футболку поло. Слишком простенько для европейского политика, если это конечно не принц Гарри.

– Здесь, в США, я чувствую себя свободным, поэтому предпочитаю удобный стиль в одежде. Кстати, меня зовут Себастьян.

– А меня... Анжела, – не сразу вспоминаю, что стоит представиться своим поддельным именем. Не знаю почему, но в его обществе мне почему-то хочется протянуть ему руку, как делали это по правилам средневекового этикета. Но

---

² У вас превосходный французский, это большая редкость. Вы учили его в школе или для себя?

³ Я и Гете читала в оригинале. Внешность обманчива.

в последний момент я одергиваю себя, припоминая, что мы не на балу, а в эпицентре царства грехов и разврата.

– Не хочешь сходить со мной на акробатическое шоу, Ангела? Завтра, – теперь это уже не подкат, а откровенная демонстрация своих намерений – мужчина чертовски заинтересован во мне.

Я, конечно, не удивлена, но... самое шокирующее для меня то, что я бы очень этого хотела. Боюсь, Коулман, услышав о моем желании, приковал бы меня к кровати не только наручниками.

Мир не сошелся на нем клином.

– Я..., – немного теряюсь, не в силах подобрать слова. – Я здесь...

– Она здесь не одна, – ледяным тоном чеканит и прерывает нас Мердер. Он буквально встает между мной и Себастьяном.

Так, словно хочет заслонить меня от пули всем своим телом.

Полегче, Мердер, в отличие от тебя, этот красавчик не выглядит опасным.

– Оу, – выдавливает мой новый знакомый, оценивая придиричивым взглядом Коулмана.

Их взгляды встречаются в неравном поединке. Сильны оба, и ни один из них не спешит отводить взор. Кажется, что я вижу пар, циркулирующий между этими раздутыми быками. Их обоих словно красной тряпкой манит, но ни один не

срывается с места.

– Мы с женой спешим на романтический ужин, – Коулман берет меня за руку, властно сжимая ладонь. – А вам я советую быть внимательнее. Ваш выигрыш превышает пределы тайного допустимого порога в казино. Вы уже на прицеле охраны. А еще за тем столиком я заметил несколько французских папарацци, – Кол кивает в сторону соседнего игрового стола. – Думаю, вы понимаете, что для вас это значит.

– Откуда такая осведомленность? – хмурится Себастьян, невольно напрягаясь всем телом. Он явно не должен здесь находиться, но почему? Папарацци? Политическая репутация?

– Секретная информация, – после этих слов Коул стремительно тянет меня к выходу из отеля.

Я упираюсь, брыкаюсь и пытаюсь сбросить его ладонь, не в силах поверить, что он так бесцеремонно прервал мое новое знакомство.

– Хватит! Мне больно! Не тащи меня так! Перестань! – выдыхаю уже на улице, не обращая внимания на красоту огней ночного Лас-Вегаса.

– Угомонись, Энжи! Я тебя почти не трогаю. Ты слишком напряжена, – парирует Кол, уводя меня на парковку отеля.

Отлично. Он решил устроить мне взбучку без свидетелей.

– Напряжена? По-твоему, у меня нет поводов напрягаться? Какого черта ты назвал меня своей женой?

– Даже если и есть, то скоро все твоё напряжение улету-

чится, – мрачным тоном обещает Мердер, подводя меня к огромному черному Харлею, сверкающему во всем своем лакированном великолепии.

Ого. Повезло же его владельцу. Вот бы прокатиться на таком, против ветра...

– Пока что с этим проблемы, – скрестив руки на груди, я закрываюсь от него, окончательно устав спорить.

– Одна таблетка, и все твои проблемы решены, – коварно улыбаясь мне, Кол вдруг достает из кармана маленькую розовую пилюлю и протягивает мне ее вместе с бутылкой воды.

– Это еще что?

– Экстази, – коротко бросает Кол и в следующую секунду перекидывает ногу через Харлей, и заводит двигатель мотоцикла. Сказать, что выглядит это горячо, значит ничего не сказать. Этот зверь ему очень подходит. Такой же графичный, безбашенный и мощный.

– И что мне нужно с этим сделать?

– Выпить, детка. И расслабиться. Довериться мне. Глотай и опускай свою красивую задницу сюда, – похлопав ладонью по месту позади себя, подзывает меня Коулман. – Иди ко мне, малышка. Иначе пропустишь все самое интересное.

– Думаешь, мне весело должно быть? Что я на курорте себя чувствую? Ты! Меня! Похитил! Мать твою..., – все еще напоминаю ему я, ощущая мандраж во всем теле. – Теперь еще и отравить хочешь.

– Я ничего не хочу. Даже не заставляю тебя. Можешь

остаться здесь и вернуться в номер, – он вдруг протягивает мне ключ-карту, бросая на меня равнодушный взгляд. – А я проветрю мозги, иначе опять сойду с ума от бессонницы, – с такой легкостью заявляет Кол, словно мы, бл*дь, все еще чертовы друзья.

Интенсивно газуя, он всем своим видом показывает, что вот-вот стартанет с места и меня ждать долго не будет.

– Да пошёл ты к черту, – выдыхаю я и, закинув таблетку в рот, залпом опустошаю маленькую бутылку воды. Еще через две секунды перекидываю ногу через мотоцикл, смело задрав платье. Руки держу позади себя, не прикасаясь к Мердеру, но кажется, его такое положение вещей не устраивает.

– Обхвати меня и покрепче, детка, не стесняйся. – Коулман протягивает мне шлем, что все это время висел на руле. – Такой ты мне нравишься больше. Готова полетать, Пикси?

«Нет!», – отвечаю ему я, но мой голос теряется, когда Мердер резко газует с места. Инстинктивно прижимаюсь к нему ближе, сцепив ладони на его стальном прессе.

Сердце подскакивает до горла, я начинаю чувствовать изменения в своем организме... Мне чертовски стыдно перед родителями, перед самой собой, но даже эти мысли проходят куда-то сквозь меня, исчезая мгновенно.

Ровно через пару секунд мы с Мердером выезжаем на открытый воздух, и фейковую Эйфелеву башню я уже вижу живую, ловя себя на мысли о том, что во всем этом похи-

щении есть то, чего я всегда хотела.

В этом есть жизнь.

Мердер

Несмотря на весь парадокс происходящего, Пикси отлично держится. Может быть, причина в том, что держится бесстрашный ангел за меня. Держится крепко, царапая острыми коготками через рубашку. Я с самого начала знал, что Анджелина – самая дикая и отчаянная кошка среди принцесс Саадат. Свободолюбивая, своенравная, наконец-то вырвавшаяся из своей клетки. Благодаря мне. Хотя, конечно, ее чувства в мой адрес далеки от благодарности. Ей до скрежета зубов хочется рычать и драться, но она вынуждена лететь со мной сквозь ветер. Входя в очередной поворот, я увеличиваю скорость. Шины визжат, адреналин подскакивает до максимальной планки, взрываясь в венах ядерным миксом ощущений. Драйв, безумие и свобода.

Когти Пикси практически вспарывают мой торс. Наши тела настолько крепко прижаты друг к другу, что ощущаются единым организмом. Это не иллюзия, а самая настоящая реальность.

– Кричи, если страшно, – мои слова уносит ветром, но Пикси успевает их поймать.

– Мне не страшно, – вопит она мне прямо в ухо, сжимая точёными коленками мои бедра. Еще один резкий поворот,

и я отвечаю хохотом на испуганный визг подпрыгнувшей на сиденье малышки.

– Мердер, осторожно! – верезжит она, когда Харлей на бешеной скорости влетает в расступившуюся колонну байкеров. Мы быстро перемещаемся в центральном ряду ревущих стальных коней, оседланных могучими парнями в кожаных куртках с одинаковой нашивкой на спине и массивных заляпанных грязью грейдерах. Разинутая волчья пасть на эмблеме является подтверждением того, что все они принадлежат байкерскому клубу «Свирепые псы». Один из парней, самый крупный с рыжей бородой, притормозив, равняется рядом с моим Харлеем.

– Опаздываешь, Соло, – кричит он, окинув нас с Энж хитрым прищуром, и, протянув руку, обменивается со мной традиционным приветственным жестом. – Хороша, – одобрительно хохотнув, Бакс, главарь «Свирепых Псов», отрывает плотоядный взгляд от Пикси. Подмигнув мне, он поддает газу и вырывается вперед, чтобы возглавить колонну.

Спустя десять минут бешеной гонки, весь отряд на железных конях паркуется перед невысоким деревянным строением с огромной круглой подсвеченной вывеской, в центре которой красуется недовольная морда коровы.

– Свиньи и Телки⁴? – прочитав название салуна, шипит за моей спиной Пикси. – Ты куда меня привез, твою мать?

– В самое грязное местечко Вегаса, – сняв шлем и прыг-

---

⁴ Им. в виду Hogs & Heifers Saloon.

нув с байка, я помогаю растрёпанной и как обычно негодующей Пикси слезть.

– В том, что грязное, я не сомневаюсь. – скривившись, соглашается ангел. – Какого хрена ты тогда вырядил меня, как для красной дорожки? – возмущается она. И кто этот волосатый дикарь? – она кивает в сторону приближающегося к нам Бакса. – И почему ты вдруг стал «Соло», – снова смотрит на меня с нескрываемой насмешкой. – Что за дурацкий закос за психически больного хакера? Тебе кажется это прикольным?

– Я тут ни при чем, детка, – заверяю я, расстёгивая ремни под ее подбородком, и, стащив с нее шлем, вешаю его на руль. Скрестив руки на груди, она испепеляет меня выжидающим взглядом, всем своим видом требуя объяснений. – Это Бакс меня так прозвал. Кстати, познакомься.

Положив ладонь на талию Энжи, я властно привлекаю ее к себе, одновременно разворачивая лицом к рыжеволосому гиганту. Правая сторона его лица и толстая шея полностью забиты татуировками. Выглядит он весьма устрашающе, особенно для тех, кто видит его впервые. Я физически ощущаю исходящий от Пикси ужас и неприятие.

– Бакс, это Ангел. Ангел, это Бакс.

– Отличная телка, Соло, – ухмыляется сукин сын, уставившись на торчащие соски Пикси. Вспыхнув, она снова прикрывается руками.

– Лучшая, – спустив ладонь ниже, я шлёпаю ее по задни-

це, и Бакс снова одобрительно хмыкает.

– Спасибо, что не свинья, – злобно шепчет мне в ухо оскорблённый ангел.

– Для свиньи ты слишком горяча, малышка, – улыбнувшись золотыми коронками, нагло заявляет Бакс. – И слишком трезва, – добавляет глумливо, сорвавшись на пошловатый хохот. – Пора это исправить, детка. Готовы оторваться? – его горящий в предвкушении бурного веселья взгляд устремляется на дверь салуна, возле которой толпятся остальные члены клуба.

– Я не хочу, – упирается Пикси, когда я пытаюсь подтолкнуть ее вперед.

– Мы приехали повеселиться, детка. Не начинай...

– Я туда не пойду, – упрямо глядя мне в глаза, категорично заявляет она.

– Проблемы? – оглянувшись, Бакс останавливается, возпросительно наблюдая за нашей стычкой.

– Все супер. Иди, мы догоним, – уверенно говорю я. Главарь «Псов» издает очередное многозначительное хмыканье и широченными шагами направляется к своим приятелям. Веселой шумной толпой они дружно заваливаются в салун, а мне предстоит короткий разъяснительный диалог с одной капризной принцессой.

– Даже не думай, что моя нога переступит через порог этого борделя, – предупредительно отступив назад, заявляет Пикси.

– Нас обоих пригласили, детка. Нехорошо отказываться, – непринужденно улыбаясь, уговариваю строптивного ангела.

– Хочешь полапать стриптизерш – иди один, – пошатнувшись, она придерживается за сиденье Харлея. – А у меня голова кругом от твоих приключений.

– Там нет никаких стриптизерш, – заверяю я. Приглаживая растрепавшиеся волосы, Пикси бросает недоверчивый взгляд на салун. – И я знаю один классный напиток, от которого твоя голова придет в норму, – улыбаюсь шире и, шагнув вперед, заключаю талию Энжи в плотный плен своих ладоней.

– Сначала ты дал мне экстази, теперь хочешь напоить, – перечисляет ангел. – Что дальше по плану? Трахнешь прямо на барной стойке на забаву этому бородатому моральному уроду?

– Этот урод, как ты выразилась, владелец высокотехнологичной клиники протезирования, ежедневно возвращающей своим пациентам надежду на полноценную жизнь, а то, как он развлекается в свободное время, – это его личное дело, – холодно чеканю, одергивая руки. – Не стоит навешивать ярлыки, не узнав человека лучше.

– Так вот значит откуда растут ноги у наглой горничной, сдавшей меня, – еще больше злится Пикси.

– Мы старые друзья с Никки.

– Никки? – вспыхивает ангел. – Еще одна подруга? За ней ты тоже присматриваешь?

– Мне надоело слушать весь этот бред, детка, – признаюсь я. – Ты иногда бываешь жуткой занудой.

– Потому что, в отличие от тебя, я думаю головой. Если ты так хорошо знаешь этого Бакса, то нам тем более не стоит здесь находиться. Мы в международном розыске. Ты забыл?

– Отлично помню, детка. Баксу можно доверять, – спокойно утверждаю я.

– Точно так же Амиран думал о тебе, – парирует Ангел. Жестко, бл*дь. И четко в цель. Из тебя бы вышел зачетный Амур, детка.

– Людям свойственно заблуждаться, – криво ухмыляюсь я и, резко развернувшись, быстро иду к салуну.

– Стой! Куда ты пошел, Мердер? – растерянно кричит Пикси. – Ты не можешь меня бросить! Колман, твою мать.

– Не хочешь со мной, оставайся здесь, – даже не подумав остановиться, невозмутимо отвечаю я. – Жди свою службу спасения. Не факт, что они успеют до того, как тебя присмотрят проезжающие мимо «моральные уроды».

– Ты чертов психопат! Как же я тебя ненавижу... Подожди меня! – злое пыхтение и приближающийся стук каблучков вынуждают меня замедлиться. Оглянувшись, я триумфально улыбаюсь, протягивая руку разъярённой кошке.

– Будет весело, детка. Вот увидишь, – кивнув, я привлекаю ее к себе и толкаю дверь «Hogs & Heifers».

Внутри салуна ожидаемо шумно, душно, громко, людно и дьявольски весело. С порога мы попадаем в атмосферу Ди-

кого запада со свойственными ему атрибутами. Пока мой растерянный ангел ошарашено рассматривает пестрые плакаты на стенах и вливающих в себя литрами пиво и виски байкеров, я веду ее прямым ходом к широкой длинной барной стойке, на которой танцуют и развлекают толпу девушки в коротких шортах и едва держащихся на подпрыгивающих сиськах топах.

– Ты говорил, что здесь нет стриптизерш, – недовольно замечает Энж, забираясь на высокий стул.

– Это тоже не то, чем кажется, детка, – заняв соседний стул, я придвигаюсь вплотную к Пикси. – Эти веселые девчонки работают здесь барменами. Наливают напитки, предлагают закуски и исполняют кантри. Они очень классные. Вот увидишь, – подмигнув Анджелине, жестом зову одну из девчонок, работающих за стойкой, а не на ней.

– Привет, Соло, – широко улыбнувшись, знойная красотка перегибается через столешницу и смачно целует в губы. – Что ты и твоя красавица будете пить? – вернувшись в исходное положение, она обезоруживающе улыбается насупившейся Энжи.

– Мне содовую. Ангелу – виски со льдом, – сделав заказ, смотрю на гордо расправившую плечи Пикси. – Хочешь стейк? Тут отлично готовят свинину. Сам не пробовал, но многие хвалят.

– Нет, спасибо, – отрицательно тряхнув головой, она хватает поставленный перед ней стакан с алкоголем и делает

щедрый глоток. – Черт, как крепко, – поперхнувшись, ангел выпучивает глаза и вытирает ладонью губы.

– Держи, – со смехом протягиваю ей свою содовую.

– Салфеток, я так понимаю, нет? – интересуется Пикси, скептически уставившись на барную стойку, сотрясающуюся от прыжков скачущих на ней полуголых девиц. – О санитарии тут похоже не слышали.

– О да, детка. Самый грязный бар Вегаса, – подтверждаю я.

– Понятно, почему ты чувствуешь себя здесь, как дома, – пренебрежительно фыркает ангел, делая еще глоток виски.

– Ты так считаешь? – сдержанно продолжаю диалог, ощущая, как внутри закипает злость. – Думаешь, что самый грязный бар Вегаса напоминает мне о доме?

– Я слышала, что творилось на твоей вилле в Асаде, – к ее счастью, Энжи имела в виду не то место, где я вырос. – Это правда? – не дав мне до конца расслабиться, в лоб громко спрашивает ангел.

– Не слышу, детка, – с самой честной улыбкой развожу руками.

Ей приходится придвинуться еще ближе, чтобы мы могли слышать друг друга. Поболтать в непринуждённой обстановке это не про «Hogs & Heifers». Сюда едут, чтобы нажрать в хлам и надорвать горло от песен и хохота. Вокруг нас творится настоящий хаос. Пьяный смех, пошлые шутки и выкрики, грохочущая музыка, звон бьющейся посуды, вопли сцепив-

шихся из-за какой-то херни «псов». В нос бьют запахи пота, травки, пролитого алкоголя и чего-то прогорклого. Если посетитель пьян или под кайфом, то все это никак не отвлекает от веселья, вот и ангел, похоже, освоилась и больше не морщит свой вздорный маленький носик.

– Это правда, что ты развлекался с шлюхами в своем бассейне в то время, когда должен был встречаться со мной? – конкретизирует свой вопрос настырная вредная Пикси. Я небрежно пожимаю плечами, положив ладонь на ее бедро.

– Кто бы мог подумать, что Ран такой болтун, – с толикой грусти отпускаю полушутливую колкость. – Обычно из него и слова не вытянешь, – во рту появляется неприятная горечь, и я запиваю ее содовой.

– Значит, да, – помрачнев, Анджелина скидывает мою руку. Ее обвиняющий взгляд буровит меня с кипящим негодованием. – Они мне не поверили. Решили, что я все придумала, потому что влюбилась в тебя, как полная дура.

– Они абсолютно правы, – беспечно смеюсь я.

– Ты виртуозный лжец и бабник.

– Хватит вопросов и оскорблений, детка, – я склоняюсь ближе к ней, втягивая носом цитрусовый аромат платиновых локонов. Мы здесь, а они все – там. Давай жить сегодняшним моментом? Или хочешь снова оказаться в Асаде и примерить паранджу?

– Нет, не хочу, – честно признается Пикси, и на ее губах появляется первая за вечер шальная улыбка.

Так-то лучше. Сжигать мосты надо сразу, чтобы не было соблазна обернуться. Чем дольше она оглядывается, тем больнее будет разрыв.

Где-то рядом с нами кто-то грузно валится на пол с высокого барного стула, следом раздается взрыв громкого смеха. Ангел насмешливо закатывает глаза к потолку и допивает содержимое своего стакана.

– К нам никто не подходит, – замечает Пикси, наблюдая за пьяной беснующейся толпой. Некоторые парни поскидывали свои косухи и присоединились к танцам веселых барменш.

– Я попросил, – поясняю, заказываю еще виски для нее и содовую для себя.

На этот раз нас обслуживает рыженькая. Запрыгнув на стойку, она низко приседает, опуская два стакана на столешницу между раздвинутыми бедрами. Ошеломлённо отпрянув, Анджелина распахивает глаза, изумленно наблюдая, как рыжая девица, встав на четвереньки, по кошачьи прогибается в спине, виляя сочной задницей практически перед моим носом.

– Спасибо, крошка, – сунув в задний карман шорт разнужданной барменши щедрые чаевые, я звучно шлепаю девушку по ягодицам, за что Пикси ощутимо пихает меня локтем.

– Угомонись, кобель, – ворчит она.

– Спасибо, красавчик, – лучезарно улыбаясь, благодарит рыжая бестия. – Обращайся, я всегда для тебя готова.

– Учись, детка, – ухмыляюсь, глядя в затуманенные глаза

Пикси, получая еще один увесистый тычок.

– Это шутка, Энж. Она же не всерьез.

– Иди к черту, Мердер, – продолжает дуться ангел.

– Хочешь потанцевать?

– Что? – решив, что ослышалась, она с недоумением смотрит мне в лицо.

– Потанцевать, – повторяю, показывая пальцем на девушек, сексуальнодвигающихся под громкое улюлюканье гостей. Красотки так активно трясут всеми частями тела, что кажется, вот-вот выпрыгнут из хлипкой одежды.

– Ты спятил. Ни за что, – наотрез отказывается Пикси, бросив на меня возмущенный взгляд, и вновь прикладывается к своему стакану. – Кстати, почему твои приятели без спутниц? Здесь вообще нет других женщин. Кроме них... – взяв с меня пример, она бесцеремонно тычет пальцем в танцовщиц. Да, детка, держись меня, и я научу тебя отрываться по-настоящему. Это тебе не сопливый «Саботаж» с трусливыми мажорами.

– Потому что мы на мальчишнике, – дернув плечом, отвечаю я. – Мальчишник в Вегасе. Смотрела фильм?

– Ага, – не забывая «закидываться» вискарем, кивает пьяный ангел. – А кто из этих громил женится?

– Понятия не имею, – расплываюсь в широкой улыбке. Ангел громко икает и тут же прикрывает ладошкой рот, а потом начинает смеяться и снова икает.

– Надеюсь, счастливчик не владелец клиники, – сфокуси-

ровав взгляд на Баксе, пихающим купюры в лифчик темнокожей барменши, со смешком произносит Энжи. – Я бы не позавидовала его будущей жене.

– Почему? – с неподдельным любопытством спрашиваю я.

– Ну он... – Пикси неопределенно разводит руки в стороны, напоминая отбившуюся от стаи птицу. – Гигант. В смысле... он просто огромный. И, наверное, тяжелый, – сбивчиво объясняет ангел.

– А какое имеют значение в семейной жизни физиологические параметры? – едва сдерживая хохот, интересуюсь я.

– Ладно забудь, – видимо потеряв нить размышлений, отмахивается ангел.

– Бакс лет пять как счастливый муж хрупкой брюнетки и отец троих мальчишек, – сообщаю я.

– Внешность обманчива, да? – пьяно ухмыляется Пикси. – Мне бы пора это понять.

– Ты знаешь обо мне ровно столько, сколько нужно, ангел, – уловив завуалированный подтекст сказанных слов, отвечаю я, прежде одарив ее самой сногшибательной из своих улыбок. – А теперь включи отвязную девчонку и станцуй для меня, крошка.

– Нет, не дожدهшься.

– Давай, не дрейфь, – подначиваю я, отобрав у Пикси вожделенный стакан. – Покажи, кто здесь самая горячая сучка. Залезай, – постучав ладонью по столешнице, я незаметно киваю лихо отплясывающим девушкам. Получив мое одоб-

рение, три взмокшие красотки устремляются к нам, и Пикси, не успев опомниться, оказывается на барной стойке.

О да, эти крошки способны растормошить даже мертвого. Окружив оторопевшую Анджелину, они наперебой что-то кричат ей, непрестанно улыбаясь и показывая простейшие движения, тем самым призывая ангела повторять за ними. Одна из барменш протягивает Энжи шот текилы, и процесс гораздо быстрее сдвигается с мёртвой точки. Выпив на брудершафт сначала с рыжей, а потом с брюнеткой, Пикси окончательно втягивается. С идиотской улыбкой влюблённого осла, я смотрю, как самая красивая девушка во всем этом гребаном мире, скинув туфли, самозабвенно танцует. Полностью отдавшись музыке, дочь алмазного арабского шейха забывает о десятках мужских глаз, похотливо наблюдающих за каждым чувственным движением ее тела, вращением стройных бедер и плавным изгибом тонкой талии. Собрав в кулак мешающий подол платья, Энж оголяет точеные щиколотки и, прогнувшись назад, под восторженный рев толпы почти касается затылком барной стойки. Талантливая еще акробатка мне попалась. Обязательно испробую этот ее навык в деле.

Грациозно выпрямившись, поворачивается к зрителям практически обнаженной спиной, позволяя вволю налюбоваться роскошным видом сзади. Черт, я никогда не устану на ее смотреть. Каким надо было быть идиотом, чтобы надеяться, что момент пресыщения однажды настанет. Мой глупый ангел, ты навечно обречена освещать мою тьму. Так сло-

жились звезды, детка. Наш собственный Мактуб, твое проклятие, мое исцеление и бег, бег по осколкам разбитого прошлого.

Взгляд Пикси находит мой, и даже через плохо освещенный и задымленный зал я вижу, как горят неподдельным восторгом ее шальные глаза. Я салютую ей стаканом с содовой, расплываясь в самой нелепейшей из своих улыбок. Видит дьявол, мне не встречался никто прекраснее и сексуальнее, чем она сейчас. У меня слепит глаза, словно я смотрю на солнце, случайно упавшее с небес в этот прокуренный сумрак. Она светит так ярко, так дьявольски ярко, и я начинаю верить, что она справится. У нас все получится, ангел.

Послав мне воздушный поцелуй, Анджелина делает последнее эротичное движение бедрами и застывает. Зал взрывается аплодисментами. Разгорячённые байкеры свистят, галдят, требуют добавки.

Музыка тем временем меняется, становясь быстрее, ритмичнее, и шоу продолжается. Анджелина танцует в тандеме с шоколадной мулаткой с копной черных кудряшек. Чокнувшись большими кружками пива, они под одобрительные крики выпивают почти половину, выплескивая остатки пенного напитка на возбужденных зрителей. Парни ликующе вопят, колотя ладонями по барной стойке, я сам не замечаю, как присоединяюсь к остальным.

– Давай, детка, – воплю я, молотя по столешнице и не отрывая взгляд от пьяного ангела и ее активной напарницы.

Девушки прилипают друг к дружке спинами и, синхронно двигая задницами, низко приседают, после чего медленно выпрямляются и уходят в полный отрыв, устроив настоящее эротическое представление с фееричным страстным поцелуем в финале. И да, черт, на этом моменте даже я умудряюсь поперхнуться глотком содовой.

– Охренеть, Пикси, ты напилась в хлам, – хохочу я, когда не знающий усталости ангел, переживший свою первую публичную минуту славы, наконец возвращается на соседний стул. Рыжая барменша с улыбкой протягивает ей пиво.

– Спасибо, сладкая, – благодарит Пикси и залпом осушает половину.

– Пописать не хочешь? – лукаво спрашиваю я, наблюдая, как она жадно глотает напиток.

– В тарелку? – поставив кружку, прищуривается Энж.

– После всего, что я уже видел, думаю, что за тобой не заржавеет, – смеюсь в ответ. Пикси показывает мне фак.

– Кстати, а экстеzi разве можно с алкоголем? – запоздало озадачивается ангел. Странно, что она, вообще, до сих пор держится на ногах.

– Да, крошка. Тебе можно все, – заверяю я самым невинным тоном. – Хочешь еще? – на моей протянутой ладони снова оказывается маленькая белая таблетка. Глаза Пикси округляются, но в них почти нет сомнения или страха. Скорее, это предвкушение и любопытство. – Давай, ангел, смелее.

– Это неправильно, Мердер, – трясет она головой, раскидывая по плечам белокурые волосы, а в следующую секунду склоняется над моей ладонью и слизывает таблетку горячим язычком.

– Моя неправильная шлюшка, – обхватив свободной рукой ее затылок, я вплотную сближаю наши лица. – Что бы сказал папочка?

– Он бы умер от инфаркта, но слава Аллаху, его здесь нет, – смело глядя мне в глаза, она опалает своим дыханием мои губы.

Соблазнительный рот Пикси маняще приоткрывается, взгляд становится обжигающе-темным, вызывая к не лучшей моей половине. Большого приглашения мне и не требуется. Я впиваюсь в нее голодным поцелуем, требовательно засовывая язык между дразнящих губ.

Черт, это чистый секс. Меня накрывает сразу, еще до того, как она начинает отвечать, гортанно постанывая и толкая свой маленький язычок навстречу моему. Она умеет целоваться дьявольски грязно. В этом есть доля моих заслуг, но и сама Энж чертовски горяча. Я вжимаю ее спиной в барную стойку, бесстыдно трахая податливый рот своим, и на пару минут мы забываем об окружающих нас людях. Нам плевать на всех. Пожирающий нас огонь – он внутри, в венах, в каждом миллиметре между нами, его нельзя потушить или обуздать. Он способен выжечь все и вся на своем пути. Поглотив чувствительную к моим прикосновениям грудь Пикси,

я потираю пальцем набухший сосок, имитируя языком самый разнузданный и грубый секс, который когда-либо у меня был. Опустив руку ниже, сжимаю ее промежность через скомкавшуюся между ног ткань. Она хрипло стонет мне в губы, то разводя колени, то сильно сжимая их, не в силах сдержать рвущее изнутри возбуждение.

– Кому-то очень хочется потрахаться? Да, ангел? – разорвав поцелуй, я облизываю ее вкус со своих губ, глядя в поплывшие глаза. Мой собственный член буквально дымится, болезненно упираясь в ширинку.

– Да... Очень хочется, – кивает ошалевшая от похоти Пикси, ерзая задницей на круглом сиденье. Я убираю руку от пылающей плоти, и она отчаянно всхлипывает. – Мердер, – звучит, как мольба. Бл*дь... Ее тяжёлое дыхание, мое возбуждение, достигшее предела. Все это может дерьмово кончиться.

– Заставить тебя кончить здесь? При всех? – взгляд падшего распутного ангела слегка проясняется. Энж с досадой кусает губы, одергивая подол платья, и тут же начинает искать варианты?

– Мы можем уйти? Прямо сейчас? – в ее шёпоте столько похоти, что ни один святой бы не устоял, а я и подавно.

– Я больше тебе не противен, – констатирую я, тронув пылающую щеку костяшками, на которых набито ее имя.

– Это все экстази, – оправдывается Пикси и, отстранившись, тянется дрожащими пальцами за своей кружкой. Я

резко отодвигаю пиво в другую сторону.

– Тебе хватит, детка. Нам обоим надо немного остыть, – выразительно опутив взгляд на свой пах, резюмирую я.

– Если здесь есть уборная, то мы можем помочь друг другу, – соблазнительно воркует Энж, положив руку на мою раздутую ширинку.

– Я породил монстра, – хрипло смеюсь, с трудом заставив убраться шаловливые пальчики ангела от моего измученного ожиданием мужского достоинства. – Пойдем проветримся, – встав со стула, я тяну ее в сторону запасного выхода. Не хочу, чтобы пьяные вдрызг «Свиные псы» напоследок ляпнули лишнего, а на то, что это произойдет, я готов поставить семьдесят против тридцати. Ангел покорно идет за мной и даже почти не шатается, доверчиво повиснув на моем плече.

На парковке для персонала нас ожидает красный кадиллак с откидным верхом. Я веду Энжи прямиком к нему.

– Вау. Это наш? – присвистнув, восклицает она, когда я распахиваю для нее пассажирскую дверцу.

– Нравится, детка? Под цвет твоего платья, – обойдя автомобиль запрыгиваю на водительское сиденье.

– Сойдет, но видала и получше, – язвит бестия, откидываясь затылком на подголовник и прикрывая глаза. – У тебя все-таки есть границы, Кол?

– О чем ты, детка?

– В баре ты не позволил ни мне, ни себе зайти еще дальше, хотя я хотела.

– Границы есть у тебя, ангел. Что бы ты ни думала, как бы ни отрицала – я еще ни разу их не нарушил. Я знаю, чего ты хочешь, Пикси. Знаю лучше, чем ты сама. И я даю тебе это.

– Я даже не знаю, что ответить, Мердер, – туманная улыбка медленно расползается по лицу Пикси.

– Классно сказал? – нахально спрашиваю я.

– Бредово, но главное, чтобы ты был доволен, – насмешливо парирует Пикси. Тряхнув волосами, она бросает горящий взгляд на приборную панель. – Если ты все знаешь о моих желаниях и готов их исполнять, может, угадаешь, чего я хочу сейчас?

– Сесть за руль этой классной тачки, но это опасное желание. Ты пьяная в хлам, детка, – смеюсь я.

– Зануда, – фыркает ангел.

– Кстати, кто научил тебя водить машину?

– Отец, – изменившись в лице, она снова опускает длинные ресницы. – Он ни разу не повысил на меня голос, пока я сносила мамины клумбы, был уверен, что все получится. Я худшая ученица, Мердер, а он – лучший в мире отец, и я никогда не прощу тебя за то, что сейчас его сердце болит за меня.

– Такова участь лучших в мире отцов, Пикси.

– Так куда мы едем? – она резко меняет тему.

– В царство снежной королевы, – уклончиво отвечаю я, заводя двигатель.

Глава 4

Анджелина

Ночной Вегас выглядит покруче любого светового шоу. Только и успеваю оглядываться по сторонам, рассматривая замысловатые отели города, больше напоминающие миниатюры самых красивых стран мира.

Ветер нахлестывает мне по щекам, но это не мешает скулам неметь от улыбки. Поднимаю руки вверх, в попытке поймать нечто неуловимое, зыбкое. То, что нельзя потрогать.

Можно лишь прочувствовать всем нутром. Каждой клеточкой.

И этим не надышаться...

Свобода.

Слаще ее – только страсть, что мелкими зарядами электричества искрит между мной и Мердером.

Хочется прикрыть глаза от удовольствия и эйфории, переполняющей сердце и разум. Коул увеличивает громкость басового трека, и я кричу, заливаясь истеричным смехом, совершенно наплевав на то, что обо мне подумают люди.

На скорости нас никто не замечает, но вот при остановке на светофорах многие пялятся на обезумевшую блондинку

в красном платье.

Кто бы мог подумать, что эта ненормальная в отражении бокового зеркала – я...

Помада размазана, как и тушь под глазами, но блеск в глазах заменяет мне самый виртуозный макияж и делает как никогда красивой.

Сойти с ума – иногда это единственный выход. Особенно когда мужчина рядом с тобой олицетворяет собой прямой путь к безумию.

Дух захватывает еще больше, когда Кол собственническим жестом ладони накрывает мое колено. Кожа к коже. Меня пронизывает его теплом и поглощающей энергией. В этот самый момент по радио врубается романтическая мелодия «*I am walking away*», и я улавливаю в его движении, сочетающимся с проникновенным взглядом мне прямо в глаза, что-то нереально интимное.

Безбожно захватывающее. Нагло проникающее внутренне.

Эмоции зашкаливают от дьявольского экстаза, которым он меня накормил, но ему мало... Мердер, словно искусный змей, пытается поглотить меня со всех сторон. И ему удастся это, судя по тому, как с каждой секундой он становится все более привлекательным в моих глазах.

Настолько, что я почти забываю о том, что он буквально похитил меня из отчего дома и возвращать не собирается. Да и стоит ли? Боюсь, наш камбэк наградит мир двумя новыми

убийцами в лице Джаред и Амираана.

– Вот и приехали, – убирает руку он только тогда, когда паркуется на подземной стоянке золотого отеля, по своей форме напоминающего раскрытую книгу, ведущую в царство приключений, разврата, бесконечных развлечений и ненасытности до всего. Весь Вегас пропитан этой жадностью, кревоугодием, жаждой... до денег, до власти, до секса, до всего земного, низменного и грязного, что может быть в человеке. Находиться здесь – все равно что смотреть в зеркало, подсвечивающее все твои худшие стороны.

Красота момента может быть лишь в принятии их... И пусть моей расслабленности и этому самому принятию поспособствовала крошечная таблетка, это неважно. Важно лишь то, что я впервые в жизни дышу полной грудью, находясь в плену.

Перед взором расплывается калейдоскоп огней, что я не в силах собрать их воедино. Вся окружающая реальность кажется сном или виртуальной выдумкой, но с каждой секундой меня все больше затягивает в увлекательную игру.

– Пойдем, Пикси, тебе понравится, – Кол огибает тачку снаружи, чтобы открыть мне дверь.

Сердце колошматит о ребра. То ли эффект таблетки и алкоголя, то ли я даю волю своим истинным чувствам, невольно залюбовавшись этим чертовски привлекательным мужчиной. Он остается в черной футболке с коротким рукавом, выгодно открывающей вид на его рельефные предплечья.

Невольно хватаюсь за него, с маниакальным наслаждением впиваясь ногтями в загорелую кожу Мердера.

– Пытаешься заработать дополнительные очки моей лояльности? – язвлю над его манерами я, опираясь на него и пошатываясь на каблуках.

– Я заработал сто из ста еще четыре года назад, – парирует Кол, и в ответ мне хочется схватить его за волосы и устроить кибишь на голове. Растрепать, захватить, сжать их... принимая глубоко в себя его член и выкрикивая на ухо имя. Хочу вес его тела на себе, ладони на ягодицах. Хочу чувствовать, как напрягаются мускулы его спины, пока он вбивается в меня. Хочу лежать на его широкой груди после, нежиться в этой груди нестигаемых мышц. Таять, пока не исчезну с лица земли для всех, кроме него.

Пока нас не перестанут искать.

Но я сдерживаю свои порывы, подготовившись к его сюрпризу с пафосной маской на лице. «Давай, удиви меня», – беззвучно транслирует мой взгляд. Колман в ответ лишь крепче сжимает мою талию, и, если честно, я благодарна ему за это, потому что меня так конкретно шатает. Да и ощущать его крупную ладонь на своем теле чертовски приятно.

Минуя парадный холл отеля «Mandala Bay» и многочисленные коридоры, что мелькают перед взором размазанными текстурами, мы наконец оказываемся в прохладном месте со специфической неоновой подсветкой. Визуально окружающее нас пространство напоминает мне ледяной коридор,

утопающий в голубого цвета огнях. Вжимаю голову в плечи, ощутив, что кожа покрывается мурашками, и на этот раз не от голодных взглядов моего спутника.

Здесь довольно холодно. Колману придется хорошо постараться, если он хочет согреть меня... Прикусив язык, не произношу этого вслух. Но судя по его многозначительному взгляду, он читает мои мысли.

Один из секьюрити предлагает мне накинуть белую шубку, и я с удовольствием соглашаюсь согреться искусственным мехом. Колман отказывается от милого утеплителя. Не замечаю никаких признаков его дискомфорта. Такое чувство, что эта температура легко резонирует с его телом и ему нравится находиться в холоде. Как он живет в Анмаре? Жил...

Еще одна дверь из льда позади, и мы попадаем в настоящий холодный бар, где абсолютно все, начиная от барной стойки и заканчивая стульями, сделано из льда. В сочетании с голубоватым свечением, исходящим от прозрачных кристаллов, и посетителями, наслаждающимися напитками и приятными беседами, это место выглядит, как своеобразный клуб «для своих». Контингент необычного заведения сильно разнится с тем, что я только что наблюдала в предыдущем злачном местечке. Здесь я чувствую себя намного комфортнее, из-за отсутствия громкой музыки и танцовщиц, чьи массивные задницы были прикрыты лишь тонкими ляпочками.

– Что это за место? Ты не соврал, когда сказал, что покажешь мне царство снежной королевы. Хотя по мне, больше это похоже на крепость одиночества⁵.

– Только я не супермен, детка, – Коулман приглашает меня присесть за барную стойку, и я опускаюсь на ледяной стул, накрытый бархатным пуфиком.

– Но инопланетянин точно, – мужчина садится рядом, наспех заказывая напитки. – Апероль и безалкогольное пиво, – обращается к бармену.

Я даже не слышу, что он там берет, всецело доверяя его выбору. Без него я сейчас как слепой котенок. В голове порхают «вертолётки», а сексуальное желание становится фактически невыносимым. Кажется, что все потребности, кроме необходимости ощущать ласку и любовь, исчезают с лица земли.

– Жаль. Как бы я хотела обладать метеоритным камнем, способным защитить меня от тебя.

– Камень? Напомни, о чем речь, – Колман вздергивает бровь, глядя на меня так, словно его забавляет мой фантазийный бред, выдаваемый под кайфом. Пытаясь собрать воедино мысли, невольно вновь залипаю на чертах его лица. Легкая щетина и всклокоченные ветром волосы. Распухшие от наших горячих поцелуев губы. Бугрящиеся под плотной рубашкой мышцы. Каждый миллиметр Колмана Мердера вызывает во мне дикое желание прижаться к его груди и

---

⁵ Тайное убежище Супермена.

умолять его о том, чтобы он никогда меня не отпускал. Сегодня, сейчас... это действительно так. Хотя я прекрасно знаю, что к утру чары рассеются и я вновь посмотрю на него без призмы розовых очков, вызванных стимулятором.

– Ну... в том сериале про супермена. Она – первая красавица школы, его первая любовь и возлюбленная. Она носила метеорит на своей шее в виде кулона. Он мог поднять целый трак одной левой, но перед ней слабел и падал на колени... Волны метеоритного камня влияли на инопланетянина сильнее, чем сила мощнейшей радиации. Ему становилось плохо рядом с ней, поэтому он избегал ее... и пытался сблизиться с героиней каждый раз, когда она ненароком снимала чертову безделушку, – пожимая плечами, опустошая свой сладкий коктейль, нервно покусывая трубочку. Боже, что я несу? А Колман все равно с меня глаз не сводит. И это дико приятное чувство. Лепетать всякую фигню, быть собой, делиться всем, что взбредет в голову, и при этом не чувствовать себя душой. Абсолютное принятие – еще один ключ, легко подобранный мужчиной к моему сердцу. Хотя не уверена, что ему нужно что-то кроме моего тела, которое наверняка наскучит ему, как только он получит свое.

Есть между нами хоть что-нибудь помимо псевдо-дружбы и больного влечения?

Был бы у этих отношений шанс, если бы Амиран с отцом благословили нас?

– Меня бы это не остановило, Энжи. Амиран Аль-Мактум

будет пострашнее какого-то там радиоактивного камушка, – сверкнув глазами, замечает Кол. Его зрачки расширяются, вводя меня в состояние транса. – Тебе не нужны никакие барьеры от меня. Ты можешь доверять мне, малышка, – понизив голос до шепота, он наклоняется ближе, обхватывая ладонью мое лицо.

Большой палец Мердера скользит по моим губам. Медленно, словно он наощупь изучает их мягкость и чувственность. В моменты, когда он становится нежным, я так теряюсь. Всего парой слов ему всегда удается выбить почву изпод моих ног.

– Понять, принять. Перестать бояться. Глупо бежать от цунами, плавая в океане. Самое лучшее, что ты можешь с ним сделать – оседлать, – с ехидной ухмылкой опускает двузначное замечание он. – Так что лови волну и момент, Пикси. Кто знает, сколько нам осталось... – заговорщицким тоном заканчивает он.

– Когда-нибудь ты научишься шутить по-настоящему, а не опускаться до черного юмора, – пытаюсь «уделать» его я. – Не думаю, что престану бояться тебя после твоих сталкерских замашек, – с опаской припоминаю ему тотальную слежку за мной. – Тебе удалось убедить меня в том, что с головой ты не дружишь. Ты правда пугаешь меня. И... я все больше понимаю, что совсем не знаю тебя, Кол, – уже серьезно произношу я, не отводя взгляд.

– Что ты хочешь узнать, принцесса? – со скепсисом бро-

сает Мердер, возвращаясь к своему пиву.

– Тебя интересует хоть что-нибудь кроме секса, бешенных вечеринок и ай-ти проектов? Я знаю твой любимый цвет, когда у тебя день рождения, почти все основные черты твоего неидеального характера... но я не знаю ничего о тебе, Кол. Сколько бы личных вопросов я бы ни задавала, ты всегда умело уходил от ответов. Откуда ты родом? Как попал на службу к Амирану? Почему он сделал своей правой рукой именно тебя? Что означают твои многочисленные татуировки? – засыпаю его вопросами, рандомно ударяющими мне в голову. – Какая была первой?

– Эта, – резко бросает Кол и, оттягивая ворот своей футболки вниз, демонстрирует мне три буквы, выбитые чуть ниже ключицы. Все его тело плотно забито татуировками, как и у моего отца. В хаотичных черных рисунках затерялось загадочное слово «Дон», вбитое под кожу красивым витиеватым шрифтом, и я ума не приложу, что это может значить.

Дон. Похоже на обращение к влиятельному мафиози. Надеюсь, он не будет просить, чтобы я так называла его, когда мы в следующий раз окажемся в экранной комнате...

Черт возьми, о чем я думаю? Я никогда не позволю ему вновь засунуть меня туда.

Я даже самой себе боюсь признаться в том, насколько возбуждали меня собственные мини-фильмы.

– Дон? Дон Мердер? – поджимая губы, шучу я.

– Донни не имел никакого отношения к мафии, – коротко

поясняет Мердер. – Так звали пса, что подарила мне мать, – его голос становится сдавленным, словно он борется с внутренним отвращением и неприязнью. Они не направлены в сторону матери и пса, но кому они могут быть адресованы, я не имею ни малейшего понятия.

– Ты, должно быть, любил его.

– Пес был куда приятнее многих людей, что я лицезрел в своем детстве.

– Правда? И какие люди тебя окружали?

– Это неважно, – отрезает Кол, отпивая из стакана еще несколько глотков пива. – Даже не пытайся составить на меня досье, Пикси.

– Я и не пытаюсь... Просто ты говоришь о Донни с таким видом, словно с ним что-то случилось. И это тебя ранило.

– Его придушили голыми руками. Неприятное зрелище, детка.

Меня всю передергивает.

– Мне очень жаль, – пытаюсь взять его за руку, но он одергивает ладонь, словно не жаждет разделять со мной моменты плохих воспоминаний. А может быть, не хочет казаться уязвимым и наделенным душой, сочувствием и милосердием. Мужчины думают, что безоговорочная сила и жесткость их красит, и им стоит держать все свои эмоции под контролем, но это неправда. Мне хочется видеть перед собой человека, а не гранитный камень.

– Так бывает. Жизнь коротка, поэтому нужно брать от нее

все, Энж. Глупо отказывать себе в заветных желаниях. Откладывать все на потом, – он подмигивает мне, расплываясь в дьявольской улыбке, вызывающей меня к грехопадению. – «Потом» может никогда не наступить.

– Именно это я и делаю сейчас, – опустошая свой бокал, веду плечом я. – Что насчет других важных имен твоей жизни? Как звали твою маму? Почему имя пса, а не ее? – начинаю засыпать его вопросами. – Ты любил собаку сильнее матери?

Взгляд Мердера мгновенно темнеет.

– Моя мать родила меня. Подарила жизнь. На этом спасибо, – отстранённо замечает Кол. Не могу представить, что я когда-либо буду говорить о маме с подобным взглядом.

– Что с ней случилось? – продолжаю пытаться я. Мне хочется знать. Хотя что-нибудь о его семье, о его прошлом, о том, что сделало его таким, каким он является сегодня. Изучать другого человека – все равно, что познавать новую Вселенную. И с Колманом мне хочется знать состав каждого ее атома.

– Ее больше нет, – все тем же ледяным тоном, от которого холодом веет сильнее, чем от этой прозрачной стойки.

– Ее имя ты не набил на своем теле?

– Нет. Ей я посвятил не имя.

– А что?

– Узнаешь, когда будешь рассматривать мою спину, – звучит как призыв к действию.

– Ты умеешь заинтриговать, – горько усмехаюсь я, испытывая острое желание изучить каждый рисунок на теле своего похитителя. Языком, губами, кончиками пальцев... хоть я и никогда не произнесу этого вслух. – Как думаешь, мне набить что-нибудь?

– Мы можем это устроить. Что ты хочешь?

– Хм, я не уверена... наверное, что-то связанное с..., – я вдруг теряюсь, прикусывая язык. И все потому, что замечаю за спиной Колмана мужчину, салютующего мне бокалом вина. Он делает это так изысканно, что становится похож на Ди Каприо в Великом Гэтсби. В знакомых чертах лица я мгновенно узнаю мужчину, с которым познакомилась возле стола с рулеткой, и быстро отвожу взор, ощущая, как к щекам приливает кровь.

– На кого ты там смотришь? – прищулив взор, пытается Мердер.

– На кого ты там смотришь? – прищулив взор, пытается Мердер.

– Ни на кого.

– Лгунья из тебя никакая, – резко поддевает мой подбородок Кол. – Я видел его, когда мы проходили мимо, – слегка сжав пальцы, добавляет он. – Хочешь втроем? Я могу это устроить. Только представь, какой незабываемый первый опыт ты можешь получить, – его тон звучит настолько пренебрежительно, что мне мгновенно становится не по себе. – Надеюсь, ты не скупилась на флирт с ним, девочка, – при-

людно щелкает меня по носу, как домашнего песика, забывая о том, что имеет дело с принцессой Анмара.

Меня парализует, как от удара, когда я слышу подобную грязь из его уст. Эмоции берут верх, и, соскакивая со стула, я выливаю недопитый коктейль ему в лицо и закрепляю немую истерику оплеухой.

– Если ты еще хоть раз поставишь меня в ряд со своими шлюхами, я... я... пошел к черту, Мердер. Пей свои коктейли сам. А местных проституток можешь трахать с кем тебе вздумается, – едким шепотом выдаю я, не в силах поверить в то, что он действительно так легко бы мог разделить меня с первым встречным.

– Какого черта, Пикси? – рявкает Мердер, но я уже оставляю его позади.

Выбегая из бара, скидываю с себя шубу и швыряю ее под ноги секьюрити. Мужчина бросает на меня осуждающий взгляд, но мне глубоко плевать на его немые нравоучения. Все внутри горит от обиды и боли, и одной только мысли о том, что Колман мог представить и допустить для себя подобную картину.

– Куда пошла? Далеко не уйдешь, – Колман догоняет меня и ловит за запястье. – Ты что так взбесилась, Пикси?

– Все, что ты делаешь – постоянно унижаешь меня. Я это все проглатывать не собираюсь! – все бы ничего, да только от моих слов в его глазах лишь сильнее разгорается пламя похоти, что остыло в баре и вновь зажглось в тот момент,

когда он озвучил свои больные эротические фантазии.

– Запомни, Пикси, – прижимает мой висок к своим губам. – Я никуда не делюсь. Просто не лги мне. И таких шуток больше не будет.

– Ты больной? Ты это ложью называешь?

– Не лги мне даже в мелочах. Ясно? – в его глазах вновь сверкает тотальное желание все контролировать, граничащее с одержимостью.

– Да пошел ты!

– Ударь меня снова, если тебе так хочется.

– Я прикасаться к тебе не хочу, отвали, – пытаюсь избавиться от его хватки, вырваться вперед и скрыться где-нибудь в коридорах отеля.

– Тебе нельзя уходить от меня далеко, Писки. Это может быть опасно. И поверь, раз ты так зла, тебе понравится пункт нашего следующего назначения.

– Куда ты меня опять тащишь? – со стоном в голосе и все еще мысленно проклиная его, возмущаюсь я, пока он тянет меня по определенному маршруту.

– Увидишь. Думаю, нам обоим стоит выпустить пар. Я запланировал на вечер одно мероприятие еще месяц назад... Заодно утолишь свою жажду, узнать меня ближе.

* * *

Через десять минут я сижу в первом ряду, перед импрови-

зированной боксерским рингом, среди скандирующей имени борцов толпы, и не понимаю, что вообще происходит. Что только не найдёшь в этом городе – трешовые мероприятия на вкус и цвет в наличии, в полном их ассортименте. Зачем он притащил меня на кулачный бой, не имею понятия, но с удовольствием посмотрю, как кто-нибудь надерет ему задницу.

Колман выходит на квадратную арену первым. После того, как ведущий мероприятия называет его имя, толпа начинает дружно выкрикивать: «Колин!», и меня пробирает на истеричный смех.

Колин, черт подери. Ему не идет это имя... чего не сказать о спортивных шортах и боксерских перчатках. Ах, прибавьте к этому еще отсутствие футболки и стальной пресс, на котором можно до блеска отстирать свои вещи. Непроизвольно приоткрываю рот, разглядывая многочисленные чернила на его загорелом теле, и нервно ерзаю на стуле.

Так душно становится, невозможно дышать. Такое чувство, что следующий мой вздох будет возможен только рядом с ним...

– Вперед, Брейн, – шепчут мои губы, когда на сцену выходит его не менее впечатляющий по мышечной массе противник. Очевидно, что он даже выше и опаснее, чем Мердер, о чем красноречиво говорит совершенно дикий взгляд борца по прозвищу «Зверь».

Кол в ответ лишь коротко кивает, читая по губам мой при-

звив, и встает в характерную стойку, выставив вперед руки в надутых перчатках. Я нахожусь так близко к нему, что могу разглядеть капли пота, стекающие в углублениях его проработанных мышц...

По свистку, два совершенных на вид титана начинают бой. Я и представить не могла, что подобное зрелище может вызывать такой бешенный скачок адреналина в крови. Если до этого мне казалось, что эффект от экстази давно сошел на нет, то теперь меня накрыло с новой силой. Сердце разрывается от восторга каждый раз, когда Колу удается нанести удар Зверю.

Оголтелая ярость. В его сосредоточенном лице, в каждом его ударе, в каждом вдохе. Столько ненависти и злобы, что он носит внутри... все вырывается на бедного «Зверя», что тот только и успевает отражать наносимые удары. В какой-то момент мне кажется, что Кол вот-вот убьет его, но улюлюкающая толпа даже не замечает этого и лишь подбадривает обоих борцов.

Во время объявленного таймаута, я вдруг слышу, как почти поверженный противник, чье лицо украшают синяки и кровоподтеки, кидает Колу странную фразу:

– Сын зека и шлюхи, и это все на что ты способен? – сплевывает в сторону Мердера Зверь.

Сердце сковывает льдом, я впиваюсь взглядом в Колмана, пытаюсь прочесть по его лицу хоть какие-нибудь эмоции. Он переводит взор на меня, замирая на несколько долгих

мгновений, и резко отводит его. Кажется, становится он еще мрачнее, если это вообще возможно. А я вдруг вижу в нем потерянного мальчика, для которого маленький пес Донни – единственное живое существо, способное разделить его незавидные будни.

Я, конечно, всегда знала и подозревала, что он далеко не из благополучной семьи. Понимала, что Колман не вырос в люксе и золотых пеленках, как я. Но сегодня... я впервые увидела в его глазах то, что он чертовски устал бежать от того, кем он является.

Как и я.

В последнем раунде начинается настоящее мясо, а толпа с каждым нанесенным ударом требует все больше хлеба и зрелищ. Для меня происходящее уже мало походит на шоу, особенно, учитывая то, что Кол вдруг резко теряет хватку и координацию. Мало того, что он не наносит удары сам, он вдруг начинает их пропускать. Снова и снова, пока Зверь не загоняет его в угол и не начинает наносить ему беспрерывный урон. Из Кола будто в раз весь дух выбили, и я прекрасно понимаю, что его выбило из колеи.

Он не хотел, чтобы я это слышала.

Раз – кровь рекой хлещет из носа Мердера. Я подавляю вздох и резко прикрываю рот руками.

Два – кровь вытекает из его брови, застывая глаза Мердера алой стеной. Он падает на колени, вызывая во мне острое желание выбежать на ринг и расцарапать рожу взбесивше-

муся Зверю.

Кусая губы до неимоверной боли, привстаю с кресла и сильнее вжимаю ладони в свое лицо. Будто это как-то поможет мне справиться с кипящими внутри эмоциями.

Черт возьми, скорее бы этот кошмар закончился... умоляю, прекратите это. Хватит! Я прошу, хватит!

Похоже, последние слова я истошно кричу во весь голос. Да так, что перекрикиваю восторженные возгласы кайфующей толпы.

Три – Колман падает, и, нарушая все правила бокса, его противник начинает беспрерывно избивать побежденного соперника ногами. Красные всполохи застилают весь мой взор, в глазах щиплет от слез. Сердце вот-вот выпрыгнет из груди, я лихорадочно пытаюсь понять, жив Мердер вообще или нет...

Сигнальный свисток, и непутевые судьи останавливают озверевшего бойца. Ассистент Мердера помогает ему встать, и судя по его лицу, Кол явно жаждет реванша, но бой уже официально закончен.

Как только он спускается с ринга, я бросаюсь к нему на шею, наплевав, что он по-прежнему истекает кровью и ему явно нужно залатать несколько ран.

– Что это было? Зачем...? – шепчу я, прижимаясь к мужской груди. За этой каменной стеной так гулко сейчас бьется сердце.

Оно там есть. И оно живое.

Нас трясет в унисон, невольно всхлипываю, вспоминая некоторые моменты, увиденные только что... казалось, я не дышала, постоянно проверяя дышит ли еще он.

– Ты в порядке? – спрашиваю его я, пока Кол просто молчит.

– *Теперь да*, – коротко бросает в ответ, прижимая меня к себе крепче и улыбаясь, как шальной, разбитыми губами. Я вновь улавливаю бесконечную нежность в его жесте, не веря в то, что он не отталкивает меня в момент своей уязвимости.

– Тебе нужно в травм-пункт.

– Это пустяки, Пикси. Тебе кажется, что меня размазали по жести, но ты просто боев не видела до этого. Пойдем в номер, нам обоим нужно помыться после такого насыщенного вечера, – его теплые губы касаются моего виска, пока мое сердце невольно пропускает удар.

Глава 5

Мердер

Закрыв за ней дверь, я бросаю произвольный взгляд на свое отражение. Рассечённая бровь, подсыхающие раны крови, разбитый нос. Выгляжу жутко, но в действительности все это сущая ерунда. Ребрам досталось больше, чем лицу, но судя по ощущениям, они все целы, а значит, вечер закончился не так плохо, как видится моему встревоженному ангелу.

Включив холодную воду, я дожидаюсь, пока она станет ледяной, и, смочив полотенце, вытираю лицо, убирая сгустки крови. Физиономия в зеркале краше не становится, не все вполне прилично. Пара ссадин, небольшая гематома, распухшая переносица. Я попадал в заварушки гораздо хуже: множественные сросшиеся переломы, отсутствующая селезёнка и забитый чернилами шрам от полостной операции тому прямое подтверждение.

– Все супер, – говорю своему отражению, раздвигая губы в улыбке. Зубы на месте, глаз не заплыл, дышать с каждой минутой становится легче.

Я сбросил столько адреналина и накопившегося ядер-

но-опасного напряжения, что даже назвал бы случившееся удачей... если бы не длинный язык ублюдка, с которым мне уже доводилось встречаться на любительских поединках, но не здесь, не в Vegasе.

Мир все-таки дьявольски тесен. Я его даже не узнал, пока он не открыл свой поганый рот. Но и хер с ним, я разучился париться из-за проигранного боя еще будучи подростком, а ангел рано или поздно все равно бы узнала, что мое генеалогическое древо берет свои истоки в трущобах Бруклина и до королевских кровей мне, как безногому до олимпийской медали по бегу на длинные дистанции.

Сняв пропитавшиеся кровью шорты, я забираюсь в просторную душевую кабину, врубая традиционно холодную воду. Бодрящие струи хлещут меня по лицу и плечам, смывая всю грязь этого дня. От моей разгоряченной кожи идет пар, и я физически ощущаю, как пламя внутри медленно затихает. Не совсем, это невозможно, но подобие баланса на какой-то период времени мне гарантировано.

Закончив водные процедуры, наспех вытираюсь и, обернув бедра полотенцем, выхожу в приятный полумрак люкса. Подозрительная тишина заставляет меня напрячься только до того момента, как мой взгляд находит крепко спящую в постели Пикси.

У измотанной приключениями малышки не хватило сил даже раздеться. Она лежит поверх одеяла, зарывшись лицом в подушку, на которой утром отпечатаются остатки ее маки-

яжа.

Я бесшумно приближаюсь к огромной постели, неотрывно наблюдая за потерявшейся на ней хрупкой фигуркой. Присев на край, улыбаюсь собственным мыслям. Тьма внутри сжимается в змеиный клубок, прячась в самый отдаленный уголок сознания.

Надолго ли?

Потянув руку, невесомо провожу тыльной стороной ладони по спутавшимся платиновым шелковистым волосам, представляя, как в эту самую минуту беснуется Фейсал аль-Рахим, потерявший наречённую златовласку. Арабы без ума от блондинок, готовы отдать любые сокровища, чтобы получить породистую светловолосую красавицу в свою постель. И как бы Амиран ни отрицал очевидное, генетическая память берет свое. Он тоже в свое время пал под чарами Алисии Саадат. И для него не существовало никаких преград для обладания своенравной тигрицей. Не спорю, в отличие от меня, у Рана есть весомое преимущество, как и у Фейсала аль-Рахима. Вот только они имеют вес лишь в глазах тех, для кого эти преимущества что-то значат. Я не в этом числе. Играть грязно для меня не в первой.

Я украл Пикси практически из-под носа наследного принца Атара, нарушив все возможные регламенты и законы – юридические, государственные, моральные. Я не боюсь и не жалею. У человека без кодекса нет причин для сомнений, и у меня не припасено никакого грандиозного плана, я просто

делаю и все. Любую стратегию можно просчитать – я знаю это, как никто другой. Во время самой сложной спецоперации с рабочим названием «Ястреб», все силовые и разведывательные структуры Анмара, совместно со спецслужбами других государств, несколько лет пытались вычислить виртуозную киберпреступницу, которой удавалось каждый раз упорхнуть, стоило нам подобраться к ней чуть ближе. Секрет везения этой женщины был прост – безумие, она была одержима, непоследовательна и поэтому непредсказуема.

Ее опыт дает мне уверенность, что нас с Пикси найдут не скоро, а если это все-таки однажды случится, ничего уже нельзя будет изменить. Завтрашний день поставит точку, сведя на нет все попытки правительства Анмара и командования АРС разрулить ситуацию с похищением без огласки и последствий.

Моя укротительница змей и повелительница драконов – не товар, которым можно расплатиться ради укрепления политических и экономических связей. Она создана для другой жизни. Не для меня – такое заявление было крайне глупым и утопическим. Ни один человек не создан для другого. Нам хотелось бы так думать, но в глубине души мы все огромные эгоисты, а из эгоизма появляется желание использовать, владеть, манипулировать. Я не отрицаю этого, потому что во мне живет точно такой же эгоист.

Пошевелившись, ангел что-то невнятно бормочет. Я одергиваю руку, и она переворачивается на спину. Безмятеж-

ное выражение лица, размазанная косметика, припухшие капризные губы. Так странно видеть ее, забывшуюся сном, не через экраны своего карцера, а в роскошном номере, который мы делим на двоих. Странно, но правильно. Идеально.

Осторожно освободив девушку от платья, я на пару минут позволяю себе полюбоваться стройным *почти* нетронутым телом. Грудь идеальной формы с торчащими розовыми сосками так и искушает прикоснуться, чем я бессовестно пользуюсь. Поочерёдно трогаю дерзкие вершинки, мгновенно реагирующие на нахальные действия. Страстная отзывчивая девочка, наверняка выносливая и жадная – настоящее сокровище для мужчины с моими потребностями. Эпизод в машине всплывает в моей памяти набором подробных горячих кадров, и я задерживаю дыхание, чтобы не застонать вслух. Возбуждение достигает такой силы, что любое прикосновение к вожаделенному телу становится невыносимо болезненным. «Ручная» разрядка тут вряд ли поможет, будить ангела, чтобы по-быстрому перепихнуться – не вариант, потому что по-быстрому не получится, а утром она мне нужна живая. Вновь обратиться к «особым» услугам горничных сегодня почему-то кажется кощунственным. Даже мысль о сексе с какой-нибудь смазливой мулаткой вызывает неприятие. Я не ищу причин этим странным порывам, но знаю, что моя «праведность» не продлится долго.

Убрав руки подальше от соблазна, я встаю с кровати, чтобы взять дополнительное одеяло. Вернувшись в постель, на-

крываю ангела и вытягиваюсь рядом с ней, избегая телесного контакта. Вырубаюсь моментально, едва голова касается подушки, и впервые за много лет вижу настоящие живые сны, где мы с Пикси бежим по пустыне. Руки крепко переплетены, над головой бескрайнее синее небо и пылающий нимб солнца, плавающий жар и пыль горчичных песков проникают сквозь одежду, обжигающий ветер бьет в лицо, горло горит от жажды, сердце бешено бьется, дыхание вырывается рваными хрипами, пот заливает глаза, а ноги горят от боли, словно мы бежим по разбитым стеклам. Хочу оглянуться, посмотреть, что за угроза таится за спиной, но не успеваю...

Лёгкий, почти невесомый толчок в плечо, но его оказывается достаточно, чтобы вырвать меня из области грез. Моргнув, я открываю глаза и сквозь мутную пелену вижу нахмурившуюся мордашку Пикси. Судя по освещению в номере, утро не за горами.

– Тебе приснился кошмар, – констатирует Анджелина, сосредоточенно наблюдая за мной. – Эротический кошмар, судя по некоторым реакциям, – ее взгляд выразительно и без тени смущения движется вниз по моему телу.

По ходу, я остался без полотенца, пока спал. Чертова жара всему виной, я не привык спать при комфортных для большинства людей температурах.

– Ты трахал во сне медузу горгону?

– Я смотрю, ты учишься черному юмору, – ухмыляюсь, переворачиваясь на бок. Ангел невозмутимо пожимает пле-

чами. Приподнявшись, она упирается локтем в подушку, поправляя съехавшую простыню над грудью. От нее пахнет мятой и цитрусами. Малышка успела принять душ, прежде чем разбудить меня. Настоящая девочка.

– Куда делось мое платье?

– Оно было испорчено, детка. Я его снял и выбросил, – непринужденно отвечаю я. – Тело во время отдыха не должно ничего сковывать.

– Трусики ты оставил, – со смешком замечает ангел.

– Пощадил твою скромность, крошка, – с улыбкой отвечаю я. – Ты могла сделать неверные выводы.

– Значит, ты не воспользовался моим бессознательным состоянием в своих порочных целях? – выгнув бровь, спрашивает игриво настроенная Пикси. Рассмеявшись, я отрицательно качаю головой.

– Жаль, – с притворным сожалением вздыхает белокурая пленница, ненадолго опустив глаза, а когда снова поднимает на меня взгляд, в нем читаются настороженность и холод. – А еще я нашла вот это, – сунув руку под подушку, она достает револьвер и наставляет дуло на мою грудь. – Не скажешь, зачем тебе оружие? Оно настоящее?

– Настоящее, – киваю я. – Мы в Вегасе, детка. Здесь бывает небезопасно, – спокойно объясняю наличие в номере огнестрельного оружия. – Ты же не думаешь, что я собираюсь его использовать против тебя?

– Если нас вычислят, пистолет не поможет, – после корот-

кой паузы произносит Пикси, серьезно глядя мне в глаза. – Но если ты возьмешь меня в заложницы, то шансы уйти есть.

– Ты предлагаешь мне план отхода или высказываешь опасения? – усмехнувшись, любопытно я.

– Какой вариант тебе нравится больше?

– Ни один, принцесса, – качнув головой, я непроизвольно стискиваю зубы. Не знаю, что именно меня разозлило в услышанных словах, но ангелу удалось задеть за живое. Я никогда не стал бы использовать женщину как щит и точно не наставил бы ствол на ее голову. А она считает, что я способен на подобное. Это неприятно, но, наверное, заслуженно.

– Я не хочу, чтобы тебя убили, – заметив мою реакцию, спешит реабилитироваться Пикси.

– Я не собираюсь подставляться под пули, – забрав у ангела пушку, я резко встаю с кровати и подхожу к брошенной в кресло открытой дорожной сумке. Там необходимый мне минимум. Вещи для ангела вместе с завтраком доставит горничная. Убрав пистолет на место, я беру из недр сумки футболку и джинсы и быстро одеваюсь.

– Тебя не учили, что недопустимо рыться в чужих вещах? – оглянувшись, сканирую взглядом настороженную мордашку Энжи. – Больше этого не делай, – сухо предупреждаю я.

– А что мне остается делать, если ты ничего не говоришь? – вспыхивает ангел, мгновенно превращаясь в разгне-

ванную фурию, требующую ответов. – Мне страшно, Мердер. Я нашла у тебя пистолет, десятки паспортов на разные имена, пачки с наличными деньгами...

– Больше так не делай, – прерывая начавшуюся истерику, обрезаю я.

– Я хочу знать, что ты собираешься делать! – повышая голос, бросает Энжи.

Застегивая на ходу ширинку и ремень, быстро приближаюсь к окну, за которым окутанный предрассветной дымкой бурлит жизнью неспящий Лас-Вегас. Как жаль, что нам нельзя остаться в этом пристанище разврата еще на пару недель.

– Ты о планах на сегодня? – невозмутимо уточняю я. – У нас насыщенная программа развлечений. Мы оба выпались и полны сил, а значит, нас ждет отличный увлекательный день.

– Прекрати, ты знаешь, о чем я спрашиваю!

– Не кричи, ангел, я не глухой.

Слышу, как она вскакивает с кровати и шлепает босыми ногами в мою сторону. Встает рядом. Вся вибрирует от негодования и напряжения.

– Кто притащил сюда эту сумку? Ее при тебе не было вчера, – продолжает свой допрос неугомонная Пикси. – Те проклятые экраны, что были в номере «Беладжио», вряд ли были предоставлены отелем. Ты действуешь не один, это очевидно.

– Тебе не стоит об этом думать, Энжи.

– Я не могу не думать! – парирует она. – Куда делся экипаж самолёта, который должен был доставить меня в Атар? Их же не убрали, как свидетелей?

– Не забивай себе голову ерундой, ангел, – спокойно отзываются я.

– Ерундой? – она снова переходит на крик. – Ты называешь ерундой человеческую жизнь?

– С экипажем все в порядке, – сухо констатирую я. – Все они и их семьи получили шанс начать новую жизнь в красивейшем месте планеты.

– Я должна поверить тебе на слово?

– Других вариантов у тебя нет, – повернув голову, ловлю пронзительный взгляд сверкающих голубых глаз.

– Тот парень на ринге... Зверь, кажется, он тебя узнал.

– И что с того? У меня на лбу написано, что я украл арабскую принцессу? – легкомысленно усмехнувшись, спрашиваю я.

– С тобой бесполезно разговаривать, – Энжи делает тяжёлый вдох, держась обеими ладонками за узел над грудью. – Я чувствую, мы сидим на пороховой бочке, которая вот-вот рванет.

– Твоя задница видала кое-что пострашнее пороха, – смеюсь я и, схватив за простынь, дергаю ангела на себя.

– Какой же ты придурок, Мердер, – с бессильной злостью бормочет Пикси. Развернув Анджелину спиной, плотно прижимаю к своему телу, скрепляя руки на ее животе.

– Посмотри вниз. Видишь сцену? – трусь небритым подбородком о светлую макушку.

– Вижу, – озадаченно кивает ангел.

– Ты слышала о случае самого массового в истории США убийства?

– Да, что-то припоминаю, – напряженно отзывается Пикси. – Чудовищная трагедия. Кажется, это произошло в Вегасе.

– Это произошло здесь, во время кантри-фестиваля. Тысячи людей пришли к этой сцене, чтобы послушать любимых исполнителей, не подозревая, что купили билет на собственную казнь.

– Какой ужас. Почему мы говорим об этом сейчас? – в голосе Энжи читается неподдельная тревога.

– Убийцу звали Стивен Педдок, Пикси. Он стрелял отсюда, – отвечаю я, обнимая ее крепче.

– В смысле отсюда? – дернувшись, настороженно спрашивает моя пугливая девочка.

– Из этого номера, – поясняю я. – Там, где стоим мы сейчас, находились треноги с установленными автоматами, из которых Педдок расстреливал толпу. Пока до сюда добралась полиция, он успел убить пятьдесят девять человек и более пятисот ранить. В номере было обнаружено двадцать три единицы оружия.

– С ума сойти, Мердер... – поежившись, с ужасом шепчет Пикси. – Давай уйдем отсюда. Не хочу здесь больше на-

ходиться.

– Подожди, ты еще не знаешь всей истории. Среди обширного арсенала Педдока был единственный револьвер, и выстрелил он всего лишь один раз.

– Он застрелился?

– Да, впустил пулю себе в лоб, так и не дав никому объяснений о мотивах кровавой расправы над людьми, которые не сделали ему ничего плохого. Версий было много, но вряд ли кто-то однажды узнает наверняка, что двигало убийцей. Эту тайну он унёс с собой.

– Что ты пытаешься мне сказать? – недоумевает ангел.

– В свое время я много размышлял над этим чудовищным случаем. Педдок был богат, успешный мультимиллиардер, пилот, путешественник, ничто не предвещало того, что он слетит с катушек и устроит массовую стрельбу.

– Он сумасшедший убийца, психопат. Зачем ты вообще думал о нем? – потрясённо спрашивает Энжи.

– От безумия никто не застрахован, – глухо отзываюсь я. – Револьвер, что ты нашла у меня, точно такой же марки, как и тот, из которого застрелился Стивен Педдок.

– Ты меня пугаешь, – приглушенно шепчет Пикси, и я чувствую, как по ее телу проходит нервная дрожь.

– Все те люди внизу не могли даже предположить, что их жизнь закончится так нелепо. Пули могли настичь любого. Это было дело случая, везения.

– Замолчи, не хочу слушать, – задёргавшись в моих объё-

тиях, пытается освободиться ангел, но ее шансы равны нулю.

– Школьный консультант из Нью-Мексико и мать троих детей оказалась в Лас-Вегасе на годовщину свадьбы, – неумолимо продолжаю я. – Муж купил ей билеты на любимого кантри-певца. Билет на тот свет. Как думаешь, что он сказал своим детям, объясняя, что случилось с их матерью?

– Даже думать не хочу об этом, Мердер, – испуганно шепчет Анджелина.

– А я думал, и знаешь, что я понял, ангел? – спрашиваю я. Она молча мотает головой. – Жизнь – это не чертов план, а череда случаев, и, если тебе повезет, ты не станешь ни убийцей, ни жертвой, но гарантий тебе никто и никогда не сможет дать. Представь, что это наш последний день, детка. Скажи, где и с кем ты хотела бы его провести? Отвечай сразу, не думая. Говори, ангел.

– С тобой... – вырывается тихий ответ. – Подальше отсюда.

– Хорошо, малышка. Мы уезжаем.

* * *

Через три с половиной часа наш бизнес-джет приземляется в крошечном аэропорту городка Пейдж. Мы снова в центре пустыни, в тысяче километров от Лас-Вегаса, но это еще не конец нашего пути на сегодня.

– Боже, ну и духота, – возмущается проспавшая весь полет

Пикси. Жара и правда невероятная, но после Анмарского пекла ощущается вполне сносно.

– Потерпи минуту. Сейчас прокатимся с ветерком, – обещаю я, опуская на глаза солнечные очки.

Мы спускаемся по трапу держась за руки. Из багажа у меня все та же дорожная сумка, перекинутая через плечо. Ангел и вовсе с пустыми руками, но чувствует себя вполне комфортно, судя по легкой походке. Или дело в удобной обуви и одежде. Бейсболка с козырьком, прикрывающим лицо от солнечного ожога, белые кроссовки, короткие джинсовые шорты, топ на бретельках. Раньше ей и не снилось показаться на всеобщем обозрении в таком виде, а сейчас она неподдельно наслаждается прикосновениями палящего солнца к открытым участкам нежной кожи, хотя и изображает по привычке капризную принцессу.

Запрыгнув в ожидающий нас джип-сафари, мы за считанные минуты долетаем до арендованного коттеджа. Расплатившись с водителем, я помогаю Энжи выбраться, и пока она с любопытством глазееет по сторонам, тащу ее за руку к дому. В самом городе смотреть особо не на что, но Пикси все равно в восторге. Она, наверное, самый непривередливый турист во всем мире.

– Он уехал, – проводив взглядом удаляющийся в облаке пыли джип, замечает Пикси. – Мы останемся здесь на ночь? – запнувшись на лестнице, она хватается за меня. Придержав Энжи за талию, я загадочно улыбаюсь, не забыв нагло

облапать ее потрясный зад, после чего распахиваю дверь, которая по предварительной договорённости оказалась не заперта.

В коттедже нет холла, и мы сразу оказываемся в небольшой уютной гостиной. Окна плотно закрыты жалюзи, кондиционер работает на полную. Приглушенный свет и прохлада – то, что доктор прописал. Даже не верится, что снаружи адская жара.

– Знаешь, что самое удивительное, Кол? – остановившись посреди комнаты, внезапно спрашивает Пикси.

– Что? – бросив сумку в кресло, я снимаю авиаторы и вешаю их на футболку.

– У меня совершенно не болит голова после вчерашнего, хотя я смутно помню события, и нет никакой ломки.

– А почему у тебя должна быть ломка, – со смешком любопытствую я, подходя к ней ближе.

– Ну, после экстази... – она морщит свой очаровательный носик и не предпринимает ни малейших попыток отстраниться, когда я, обхватив ладонями тонкую талию, привлекаю ее к себе.

– Это была обыкновенная аскорбинка, детка, – хохочу я, целуя ее в висок.

– Серьезно? – вскинув голову, она бросает на меня недоверчивый взгляд.

– Абсолютно, – подтверждаю я.

– Идиот, – ударив меня ладошками по плечам, фыркает

ангел. – Или мерзкий лгун, потому что я чувствовала что-то...

– У тебя просто крышу снесло от обилия впечатлений, – не дав Пикси договорить, озвучиваю единственную причину ее вчерашнего перевозбуждённого состояния. – Я всего лишь помог тебе избавиться от чувства вины за то, что ты развлекаешься от души вместо того, чтобы искать возможности сбежать от меня и сдать страшного похитителя властям.

– И никакой ты не страшный. Немного побитый, но вполне симпатичный, – она лукаво улыбается, хлопнув длинными ресницами. – Кстати, тебе очень идут темные очки.

– Потому что скрывают синяки? – я снова смеюсь. Пикси слегка обижается по неизвестной мне причине, и я внезапно говорю совершенную дичь: – В подростковом возрасте я ужасно комплексовал из-за того, что приходилось носить очки.

Ангел удивленно приподнимает брови, нежные девичьи ладони произвольно гладят мои плечи, практически сползая на грудную клетку.

– Все умники носят очки. Разве нет? – искренне недоумевает Пикси.

– Там, где я родился и вырос, кроме меня других умников не было, – с неожиданной лёгкостью делюсь я сокровенными и не самыми приятными воспоминаниями.

– Вот это самомнение, – закатывает глаза Пикси. – Ты неисправим, Мердер.

Она не понимает, и я не сужу ее за это. Воспитанная во дворце принцесса вряд ли способна достоверно представить, как выживают люди в нищих районах Бруклина. И я не думаю, что ей нужны эти знания.

– Думаешь, что я слишком самоуверен? – перевожу разговор в шуточный тон.

– Я бы сказала, ты высокомерный нарциссический засранец, каких еще мир не видел, – парирует Пикси. – Отчаянный и бесстрашный. Такими бывают только дети, Кол, – последнее сказано с толикой грусти. – Иногда мне сложно поверить, что тебе тридцать лет.

– Поверь, мне тоже, – смеюсь я и, наклонившись, захватываю ее губы своими. Она задерживает дыхание, позволяя моему языку проникнуть в ее рот, и отвечает с не меньшей страстью, впиваясь коготками в мои бицепсы. Поцелуй быстро переходит в разряд развратных, превращая нас обоих в оголодавших хищников, жаждущих перекусить друг другом. Опустив руки на сочную задницу, я требовательно сминая упругие ягодицы ладонями, приподнимая Пикси над полом, и толкаюсь вздувшейся ширинкой в ее промежность.

– Мистер Бишоп? – деликатное покашливание за спиной, отрывает нас друг от друга. Пикси мучительно краснеет, одёргивая успевший задраться топ, пока я оборачиваюсь к невозмутимо ожидающей моего внимания миловидной молодой женщине в элегантном брючном костюме приятного кофейного оттенка. Она вошла не через входную дверь, а на-

ходила в доме все это время.

– Я занималась платьем, не слышала, как вы подъехали, – поясняет женщина и, приблизившись, протягивает руку. – Меня зовут Сара Одли, я визажист.

– Да, я знаю, кто вы, – приветливо улыбнувшись, я пожимаю тонкую ладонь. – Это Анжела, ваша модель, – положив ладонь на поясницу Пикси, слегка подталкиваю ее вперед. Ангел выглядит ошарашенной (и) смущенной. – У нас в запасе сорок минут. Уложите? – обращаюсь непосредственно к Саре.

– Конечно, мистер Бишоп, – заверяет женщина, приветливо улыбаясь Энжи. – Пойдем, милая, у нас много приятных дел. Надо поторопиться, чтобы ты выглядела безупречно на самом важном для каждой женщины событии.

– Кол... Колин, что происходит? – вовремя исправившись, спрашивает Пикси.

– Иди за Сарой, ангел, и следуй всем ее указаниям, – с невозмутимой улыбкой киваю на приоткрытую комнатную дверь. Энжи настороженно хмурится, но все-таки позволяет визажисту увести ее за собой.

Не проходит и десяти секунд, как раскрасневшаяся Пикси с горящими глазами появляется из комнаты и, открыв настежь дверь, возмущенно тычет пальцем в роскошное дизайнерское платье матово-белого цвета с длинным шлейфом и открытыми плечами, выставленное на безголовом манекене.

– Что это такое? – ее голос дрожит от волнения.

– Тебе не нравится? – невинным тоном интересуюсь я. Сара Одли невозмутимо ждет, пока мы решим свои недопонимания, присев за туалетный столик с расставленной на нем косметикой. – Модель уникальная, я сам выбирал. Сшито по твоим меркам, – продолжаю я, глядя на стремительно меняющее оттенки лицо ангела.

– Мы идем на маскарад? Или это снова твой черный юмор? – искренне негодует Пикси. – Сначала фальшивый мальчишник в Вегасе, а теперь ты решил закатить фальшивую свадьбу? Комедий пересмотрел?

– Мальчишник был не фальшивый, детка, а самый настоящий. Я не стал пугать тебя раньше времени и поэтому не сказал, что это был мой мальчишник.

– Ты ненормальный, Кол? – задохнувшись, шипит Энжи.

– А ты считаешь, что жениться на тебе захочет только ненормальный? – с ироничной улыбкой интересуюсь я. Потеряв дар речи, она скрещивает руки на груди и недоверчиво смотрит на меня. Сделав пару шагов вперед, я оказываюсь рядом с ней и, приобняв за плечи, заставляю вернуться в комнату.

– Даже если я не угадал с фасоном, новое мы купить уже не успеем, – остановившись напротив манекена, говорю я. – Но искренне считаю, что это платье идеально тебе подойдет. Если сомневаешься, можешь примерить.

– Оно прекрасно, Кол, – выдает Пикси, дотронувшись кончиками пальцев до атласной ткани. – И очень мне нра-

вится, я даже мечтать не могла о таком... но все это... за гранью. Ты же понимаешь. Мы не можем... не можем по-настоящему, – скосив глаза на визажиста, сбивчиво объясняет Пикси.

– Просто надень его для меня, – повернувшись к Энжи, я поднимаю ее лицо за подбородок, заставляя взглянуть мне в глаза. – Ты сделаешь это, ангел?

– Хорошо, – кивает она, подозрительно хлюпнув носом.

– Спасибо, детка, – быстро поцеловав ее в губы, я выхожу из комнаты, прикрывая за собой дверь.

Анджелина

Ущипните меня. Что вообще происходит?

Сердце на запредельных скоростях трепещет в груди. Клокочет в горле, пока Сара помогает мне надеть свадебное платье и затянуть полупрозрачный корсет из органзы на талии. Он превращает мою фигуру в совершенные «песочные часы», и я невольно ловлю себя на той мысли, что не могу отвести взгляд от девушки в отражении. Я выгляжу как белая лебедь, что вот-вот широко расправит крылья и взмоет в высь.

Должно быть, почти в каждой девочке это есть – мы все мечтаем об особенном мужчине, красивом платье, уникальной свадьбе... Я никогда не рисовала в своем воображении подробную картинку этого дня. Знала одно – хочу, чтобы мои глаза блестели от счастья, а человек, с которым суждено

связать жизнь, будет моей родственной душой, к которой я испытываю дикое влечение.

Когда можно получить от жизни две опции, зачем выбирать? Брак с аль-Рахимом не дал бы мне ни одной из них.

Мысль об официальной и роскошной свадьбе с Фейсалом, в кругу семьи, приводила меня только к прикусыванию ногтей и нервному срыву. В то время как тайная авантюра, что затеял Коулман, дарит мне ощущение эйфории и осознание того, что я всегда этого хотела – пожениться тайно, в необычном месте. Пусть даже тихо, скромно, без заголовков таблоидов и шумной вечеринки. Без подарков, конкурсов, ночей хны и громких поздравлений. Даже без слез матери и отца, благословления сестры. Без многочисленных традиций и громких клятв напоказ.

Без пафоса, без шестимесячных приготовлений, без гостей, имен которых я даже не знаю.

Ничего из этого никогда не привлекало меня так сильно, как особая уникальность, которую можно придать этому дню, проявив воображение. Мое рисовало мне Париж, озеро Комо, даже Лас-Вегас или Нью-Йорк. Гонимая духом свободы и жажды путешествий, я всегда хотела, чтобы это случилось в неизведанном мне уголке земного шара. Кажется, Коулман прочитал мои мысли и основательно постарался, списав со счетов банальную свадьбу в Лас-Вегасе.

Что он приготовил для нас? И неужели это не очередная из его шуток?

Нет... слишком серьезен был его взгляд, настрой, даже тон голоса.

Просто надень его для меня. Ты сделаешь это, ангел? – звучало ласково, но бескомпромиссно.

Я ничего не понимаю... прибываю в некой прострации, пока Сара накладывает мне легкий макияж, пытаюсь замазать тональной основой следы моей усталости и бурно проведенной ночи.

– Вот и все, – наконец произносит она, позволяя мне встать перед зеркалом в полный рост. В отражении я вижу немного другую Анджелину Саадат. Я никогда в жизни не выглядела такой уязвимой, незащищенной, открытой душой. Обнаженной до глубины души.

И это очень красиво – снять в итоге свою маску. Пусть даже такой ценой...

В сердце зацветает боль, но я стараюсь не думать головой. Не анализировать. Не представлять, что сейчас происходит с родителями и их нервными клетками. В конце концов, они не сильно беспокоились о моем моральном здоровье, приготовив для меня нелюбимого человека в качестве спутника. Здесь нет правых и виноватых. Есть жизнь, которая привела меня в данную переломную точку моей судьбы. И возможно, завтра все это окажется сном или глупой шуткой...

Возможно, завтра нас с Колом поймают или и вовсе сотрут с лица земли.

Возможно, завтра мои чувства к нему снова остынут, упа-

дут на дно, по принципу американских горок, как и его ко мне.

Возможно, завтра одного из нас не станет... Находясь в бегах, в танце над бездной, никто из нас не застрахован от сокрушительного падения.

Быть может... завтра, весь этот мир рухнет.

Возможно, завтра для «нас» никогда не наступит.

Но сегодня я буду с тобой.

Я могла бы говорить ему это каждый день. Это могла бы быть фраза, которую я напишу фломастером на магнитной доске в нашем доме с панорамными окнами и видом на океан...

Не знаю, почему именно эта произнесенная вслух клятва приходит в мою голову.

Наконец с бешеным тремором в кончиках пальцев, я выхожу к Коулу. Поднимая взор на меня, он замирает. Кажется, что в этот самый момент мир перестает для него существовать, а его эпицентром вдруг становлюсь я. И пусть это впечатление так мимолетно и обманчиво... я никогда не забуду пронзительный взгляд серо-зеленых глаз.

– Надо полагать, в эту поездку мне выпал флэш-рояль, – приподнимая один уголок губ, глухо произносит он. Его чувственный голос забирается мне под кожу, берет меня за грудки, поработая своей вкрадчивой твердостью.

– Тебе? Что значит тебе? Зачем это все, Кол? – прокружившись на месте, вновь интересуюсь у него я, пытаюсь вер-

нать гибкость и чувствительность своему телу. От нервного напряжения и волнения меня словно льдом сковало.

Мердер ловит мои запястья, берет за руки, непрерывно изучая мое лицо взглядом. Млею, вновь чувствуя его близость. Вальс гормонов, что он пробудил во мне, не заканчивается. Я словно не могу собой управлять. Не принадлежу себе. Наваждение, передозировка его феромонами. Не удивлюсь, если узнаю, что он собственноручно изобрел и вшил в меня специальный чип, полностью руководящий моим настроением и чувствами...

– Платье село идеально, – скользя вожаделанным взглядом по моим обнаженным ключицам, он плотнее притягивает меня к себе. – Не хватает лишь одной важной детали, – низким шепотом подводит итог Мердер. Его горячие пальцы касаются выемки под моим горлом. Слегка захватывая шею, отдает четкое и короткое повеление:

– Повернись, – мягко, но властно просит он.

Послушно выполняю, поворачиваясь лицом к ближайшему зеркалу. Коулман возвышается надо мной, словно дьявол, пришедший по мою душу. Самое удивительное в нем – противоречивый контраст.

Иногда он видится мне демоном из сердца самой преисподней, порой – ребенком, воспринимающим жизнь, как игру, иногда – сильным мужчиной, что с благоговейным трепетом преподносит мне небольшой подарок и ждет моей реакции, затаив дыхание.

Я слышу. Коул почти не дышит. При этом его сердце бьется так же стремительно, как мое. Замечаю, что он достает бархатный мешочек из кармана своих брюк, и закусывая губу, гадая что там, находясь в томительном предвкушении. Еще через несколько секунд он обвивает мою шею тонкой цепочкой с небольшим ограненным камнем, сверкающим заостренными гранями цвета индиго. Сначала мне кажется, что это сапфир, но всего через несколько мгновений он меняет цвет и становится прозрачным, больше похожим на алмаз.

Ошалело моргаю, не веря своим глазам.

– Что это? Разве такое возможно? – из губ вырывается нервный смешок, Коулман сцепляет цепочку на моем затылке, нежно касаясь его губами после. Сладкая дрожь плавно проходит по всему моему телу, когда наши взгляды встречаются в отражении. Он только что поставил на мне очередную печать, свою метку, незримо притягивающую к нему. – Он меняет цвет...

– Всего несколько камней в мире обладают подобным свойством. Но этот особенный. Он не с этой планеты, – его горячий шепот согревает мочку уха. Мердер так нежно покусывает ее, любясь своим подарком, красиво подчеркнувшим мои ключицы.

– Что? Правда? Ты шутишь? – тут же засыпаю вопросами Коулмана, прикасаясь к загадочному драгоценному камню. От тепла моих пальцев он становится аквамаринным,

навевающим мысли об отдыхе на райских островах. – За все время существования «Лакшери корп» я не видела ничего подобного.

– И не увидишь. На землю его доставил дрон, а не человеческие руки. Он пролетел огромное расстояние прежде, чем попасть сюда и прикоснуться к тебе. Черт возьми, да он чертов счастливчик, – усмехается Коул. – Не зря летел сюда несколько десятков лет.

– Откуда ты его взял? – нахмурившись, все еще пытаюсь понять, шутит он или говорит правду. Вполне возможно, что он создал камень сам, вшив в украшение крохотную лампу, создающую иллюзию света. Хотя, осознавать, что он с совершенно другой планеты, куда романтичнее.

– Подружился с Илоном Маском. Пока это секретный проект. Добыча ресурсов на других планетах, – с покер-фейсом заявляет Коул, но его глаза стреляют колкими молниями.

– Ты умеешь говорить серьезно? – хнычу я, не в силах больше выносить его привычку говорить в подобной манере.

– Я не раскрываю своих секретных мест, Пикси, – уже серьезно подводит черту Коул. – Я хотел найти для тебя что-то по-настоящему особенное. Уникальное. Ты достойна всего самого лучшего в этом мире, – обнимает меня крепче, положив подбородок на плечо. Удивительно, как быстро он способен меняться... из беспощадного насильника в солдата АРС, спасающего меня от ненастоящих участников «Ша-

тров Махруса». Из солдата в бескомпромиссного поверенного Амираана, а потом в президента собственной ай-ти компании. После всего этого в отвязного байкера на Харлее, и, в конце концов, в ласкового кота, трепетно утыкающегося довольной мордочкой в мою шею.

– Наверное, я не вхожу в список этих «лучших»... по крайней мере, по мнению твоего отца и короля Анмара.

– Но ты не из этого мира, – закусив губу, искренне улыбаюсь ему, засмотревшись на ямочки на его щеках. Наглая улыбка делает этого мужчину еще сексуальнее, чем сосредоточенность и серьезность в выражении лица.

– Точно подмечено, малышка. Надеюсь, подарок тебе понравился. Хотя это далеко не все. Обращайся... если что-нибудь пригодится. То, что ты не сможешь найти на этой планете, я найду для тебя на другой.

– Иногда то, что мне по-настоящему нужно, находится на расстоянии вытянутой руки, – парирую я, поворачиваясь к нему лицом. Обвиваю шею, привставая на цыпочки, чтобы быть ближе. Губы в губы. Мы слишком близко, но только смотрим друг другу в глаза.

– Или еще ближе, – шепчет Коул, обхватывая мою задницу, резко вжимаясь в меня бедрами.

– Ах, да..., – не сдержавшись, выдаю с придыханием я. – Спасибо тебе, это очень красиво. И удивительно, – благодарю я, имея в виду необычный подарок. Его глаза темнеют, а стояк в брюках упирается мне в низ живота, нагло пуская

очередную волну жара по моему телу.

Сладкое чувство, неповторимое. Хочется запрыгнуть на него, обвить ногами, но платье не позволяет вольность столь развращенным действиям.

– Ты смог выделиться среди всех, кто пытался поразить меня своими подарками. Хотя я не удивлена, от инопланетянина вроде тебя стоило ожидать только этого.

– Приятное чувство, Пикси. Быть особенным в твоих глазах, – шутливо усмехается Коул. – Почаще говори мне такие фразы. Продолжай, продолжай. Похвала принцессы дорогого стоит, – рыча в мои губы, терзает ладонями мои ягодицы, явно заявляя свои права и планы на них.

– Продолжу, если объяснишь. К чему все это? До сих пор не понимаю. Откуда в тебе проснулся романтик? – слегка теряюсь, опуская взгляд. Конечно, мне страшно. С его перенчивым характером возможно все. И это танго на пороховой бочке доставляет мне удовольствие до первой серьезной травмы.

– Просто пойдем со мной. И все узнаешь. Тебе понравится, – снова и снова повторяет нечто подобное он.

Коул никогда не просит. Ничто из его уст не звучит как просьба. Он заявляет свои права на меня и просто ведет за собой.

И вот мы покидаем одинокий коттедж и стремительно направляемся к вертолету, под аккомпанемент шумно вращающихся лопастей. Барабанные перепонки слегка разрывает

от звука, но Мердер спасает меня наушниками. Кажется, нам предстоит очередной полет и новое путешествие. Это безумие... еще никогда я так быстро не меняла свое местоположение. Но всегда знала – меня безбожно быстро затянет такая жизнь после заточения в роскошной анмарской клетке.

– Куда мы летим? На луну? – хохочу я, ощущая, как вертолет отрывается от земли. Доверительно прижимаюсь к Коулману, не находя в себе сил от него отлипнуть. Накрыл меня, словно гребанный экстази. Если мне и грозит ломка, то только по этому мужчине, с ног до головы покрытым татуировками.

– На другую планету, но не на луну, – смеется в ответ Коул, сжимая мою ладонь. Мы оба рассматриваем буквы на костяшках его пальцев, складывающихся в гармоничное Pixel на загорелой коже.

Я всегда с ним. Перед его глазами. Под его кожей.

Сердце вновь учащает ход, я прижимаюсь к нему, вдыхая запах его тела и парфюма. Коул пахнет ветром и летним дождем, мужественностью и отчаянием. Он пахнет свободой моей и пленом моим. Он пахнет так, что не могу надышаться. Не хочу с ним прощаться, даже в мыслях и страхах. В представлении той реальности, где нас найдут.

– Возможно, завтра для «нас» никогда не наступит. Но сегодня я буду с тобой, – произношу в его губы, сомневаясь, что он вообще слышит. Коул смеривает сосредоточенным взглядом то мой рот, то глаза, и накрывает мою клятву горя-

чим, но медленным поцелуем, от которого я превращаюсь в комок оголенных нервов.

– Боже, я так хочу тебя, Коул, – признаюсь, ощущая дикую пульсацию между ног. Сама от себя подобного не ожидала. – Умираю, – потираюсь носом о его нос.

– Потерпи, девочка. Сейчас мы не можем, – загадочным тоном бросает Коул, хотя все его прикосновения, поцелуи и взгляды кричат обо дном – он хочет меня с такой же неимоверной силой. Желательно здесь и прямо сейчас, на высоте в сотни километров.

Растворяясь в Мердере, не замечаю, как пейзаж под нами меняется. Возвращаюсь в реальность лишь к моменту приземления на песчаную гору квадратной формы с пологой поверхностью. Вид с нее открывается сногшибательный – не в силах поверить, что окружающие меня марсианские виды – действительность, а не заставка на экране ноутбука.

Мы в Аризоне. Долине каньонов, песчаных гор и замысловатых кратеров, оставшихся после высохших рек. Никакие в мире слова не передадут красоты природы, что открывается взору с этого возвышения. Озеро Пауэлл и река, огибающая еще одну гору, образуют картинку знаменитой песчаной «подковы». Закатное небо, поцелованное лучами уходящего солнца, и красноватая дымка, дарующая этому месту вид поверхности Марса. Коулман не соврал, когда пообещал, что мы летим на другую планету.

Прикрываю ладонями рот, жадно разглядывая каждый

миллиметр этих нарисованных Богом текстур. Хочу запомнить этот момент, сфотографировать своими глазами.

Красная пустыня и бесконечное пространство. Безграничная свобода. Слияние четырех стихий в горячем зареве солнца.

– Тебе нравится? – и снова в его голосе присутствует этот незнакомый мне трепет, некое волнение.

– Спрашиваешь!? Бесконечно, Коул! – восторженно кричу я. – Ну а платье? Платье мне здесь зачем?

– Неужели ты еще не поняла, – со скепсисом заявляет Коул, выставляя вперед красную коробочку, в которой обычно скрывается то, что мечтает увидеть каждая девушка. Обручальное кольцо, мать его.

Это не «просто пойдем со мной», и это не розыгрыш. Не знаю, насколько юридически верной будет наша свадьба... законной ли. Но Коулман Мердер действительно сделал это: все тщательно спланировал, организовал до мелочей.

Он выкрал меня из Анмара, чтобы сделать своей женой намного раньше того, кому я обещана королем этой страны.

– Что? Коул, ты в своем уме? – делаю шаг назад, ощущая, как в грудной клетке вдруг становится тесно.

– Осторожно, малышка. Еще пара шагов, и ты упадешь с обрыва, – хватает меня за руку и тянет на себя. Морщинка между его бровей становится настолько глубокой, а хватка – критически мертвой.

– Я не выйду за тебя замуж! Не по-настоящему! Я дума-

ла..., — если он думает, что защитил меня от падения, то он ошибается.

Я лечу куда-то вниз. Прямо сейчас.

— Я не спрашиваю, Энжи, — твердо отрезает Коул. — Хотя, если ты так настаиваешь..., — Мердер опускается на одно колено передо мной. Его ладонь сжимает мою, и я нахожусь в легком шоке от того, что впервые смотрю на него сверху вниз. — Ты будешь моей женой, Пикси? — я погружаюсь в омут его глаз, не осознавая, как щеки пощипывают соленые слезы, а губы несколько раз шепчут тихое «да».

Мердер

Поднявшись с колен, я заключаю Пикси в далеко не трепетные и романтические объятия. Сжимаю ее в своих руках до хруста хрупких косточек и жалобного писка затисканного котом маленького мышонка. Сгребаю в охапку и жадно пожираю нежный рот, всасываю в себя ее болтливый язык, терзаю податливые губы, пока она ни начинает биться в моих руках от нехватки кислорода. Не отпускаю свою добычу, а лишь даю пару миллиметров свободного пространства, и мы рвано дышим, глядя друг на друга так, словно вокруг никого и ничего не существует.

Мы на другой планете, в другой вселенной, наполовину вымышленной и дьявольски реальной. Все здесь принадлежит только нам двоим.

Ее многократное «Да» все еще звенит в ушах, растекаясь электрическим током по венам. Мне даже не пришлось умолять, хотя я готовился. Мне в лом. Если речь о Пикси, мои хлипкие тормоза слетают напрочь. Не создан еще такой транквилизатор, чтобы исправить всю эту херню, что творит со мной шальная отчаянная принцесса, украденная из каменной башни.

Пусть это безумие не будет длиться вечно, и в конце нам все-таки придется разбиться и протрезветь, эти минуты на краю пропасти мы не забудем даже в аду. Потому что здесь и сейчас мы по-настоящему свободны. У меня встают даже волосы на руках от затопивших мозг похабных фантазий. До их воплощения остались считанные часы. Мучительно долго. Я бы разложил и оттрахал ее прямо на этих многовековых камнях на глазах у с любопытством наблюдающей за нами женщины-пилота и ее долговязого помощника с включенной камерой.

– Но у меня есть условия, Мердер. Не постановочные, а самые настоящие, – отдышавшись, начинает торговаться ангел.

Она осторожно водит тонкими пальчиками по моей щеке, нежно трогает ссадину под бровью, незаметно любуясь обручальным кольцом. В прищуренных голубых глазах отражается нависшее над нами знойное небо, внизу простирается красная пустыня, а раскаленный воздух пропитан сухим зноем, от которого перехватывает лёгкие и шумит в голове.

– Ты прекратишь вести себя, как полный псих, и найдешь способ вернуться домой, чтобы при этом мы оба остались живы.

– Это все? – выгнув бровь, я глажу ее длинную шею, на которой в лучах полыхающего солнца уникально поблёскивает и переливается всеми цветами и оттенками мой особенный подарок.

– И ты больше не будешь трахать все, что шевелится, – поджав губы, добавляет Пикси с видом строгой училки.

– Совсем все? – посмеиваюсь я, тронув пальцем припухшую нижнюю губу. – Тебя-то трахать можно? – ее щеки вспыхивают, красноречиво отвечая на заданный вопрос. – И я рассчитываю на твои активные шевеления, детка. Долбить бревно совсем не круто.

– Лучше замолчи, – шипит пунцовый ангел, накрыв мой рот кончиками пальцев. Я убираю ее ладонь и крепко сжимаю в своей.

– Как скажешь, ангел, – лукаво подмигиваю и разворачиваю нас обоих к заждавшимся зрителям. Наш пилот, сменивший летную форму на строгое платье, поспешно шагает вперед.

– Меня зовут Анита, – представляется она второй за сегодня раз, но теперь с совершенно иным значением. Раскрыв традиционную папку, женщина пробегает взглядом по указанным в документах именам. – Коулман и Анджелина, сегодня я буду вашим свадебным министром и проведу цере-

монию прямо здесь, – она делает небольшую паузу, вопросительно глядя на издавшую шумный вдох Пикси.

– Продолжай, Анита. Моя невеста немного волнуется.

– Это абсолютно нормально, – понимающе улыбается регистратор. – Воздух здесь разряженный, и может немного кружиться голова. Надолго я вас не задержу. Вся процедура займёт не больше пятнадцати минут. Мой помощник Андре займётся фото и видеосъёмкой. Времени у нас немного. Поэтому давайте поспешим. Итак, вы готовы?

– Да, – отвечаю за двоих. Судя по тому, как трясется Пикси, судорожно сжимая влажными пальчиками мою руку, говорить внятно и отвечать на вопросы она пока не способна.

– Прекрасно, – Анита торжественно улыбается, и, взглянув на наручные часы, сразу переходит к делу. – Анджелина и Коулман, в этот особенный день вы решили соединить ваши судьбы, и прежде чем мы приступим к официальной части, я обязана спросить, является ли ваше желание вступить в брак осознанным и добровольным?

– Вопрос с подвохом, – ухмыляюсь я и, поймав растерянный взгляд ангела, ободряюще подмигиваю. – Ни на одном из нас нет наручников. Поэтому – да.

– Анджелина? – не впечатлившись моей импровизацией, Анита переключается на растерявшую всю свою дерзость и бахвальство Пикси.

– Да, – шепотом отвечает она, робко поглядывая на меня.

– Отлично, – удовлетворённо произносит наш не утруж-

дающий себя долгими отступлениями церемониймейстер. – Просто изумительно. Самое время принести клятвы. Используем стандартные? Или, может быть, у вас есть собственные?

– Это как? – хмурится Пикси, вынырнув наконец из состояния восторженной прострации. Анита начинает нетрепливо щелкать колпачком ручки. После нас у нее наверняка назначен следующий вылет с жаждущей пожениться в необычном месте парочкой влюблённых.

– Некоторые молодожены готовят свои клятвы – те, что хотят дать друг другу здесь и сейчас, – торопливо поясняет свадебный министр. Ангел переводит на меня смущённый взгляд. Она наверняка бы хотела отойти от сценария, но свои главные слова, которые я хотел услышать, она уже сказала мне несколько минут назад.

«Возможно, завтра для «нас» никогда не наступит. Но сегодня я буду с тобой.»

Лучше и не придумаешь. Я тоже не могу пообещать ей светлое завтра, а красиво лгать в такой момент даже такой поддон, как я, считает последним свинством. Но тем не менее мне есть что сказать. Потому что она ждет, а я хочу, чтобы она понимала, хотя бы отчасти понимала, во что ввязывается. И по хрен на то, что время на подумать я ей намеренно не дал, и никакого даже иллюзорного выбора у Пикси нет. Она заслуживает искренности с моей стороны.

– Все клятвы, которые я готов дать, отпечатаны здесь, ан-

гел, – сжимаю руку напротив сердца так, чтобы Пикси видела мои костяшки со своим именем. – И здесь, – прижимаю кулак к грудной клетке. – Я нахожусь здесь, с тобой, только по одной причине, – продолжаю я, и в ее глазах, неотрывно прикованных к моему лицу, собираются слезы. – Не существует в мире другой женщины, с которой я хотел бы стоять рядом над пропастью, держась за руки. А теперь скажи мне «да», ангел, – мягко требую я.

– Да, – Пикси бросает короткий взгляд на церемониймейстера и, получив поощрительный кивок, снова смотрит мне в глаза. – Клянусь любить тебя в горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии, и даже смерть не разлучит нас.

– Никогда не разлучит, – обещаю я и, стиснув ладонями тонкую талию, с жадностью впиваюсь в губы, так и не дождавшись разрешения министра.

– Самое время для поздравлений, – объявляет наш многофункциональный пилот. – Теперь вы официально муж и жена, – торжественно произносит рядом с нами.

– Вот и все, мой маленький Пиксель, – отрываясь от губ Энжи, триумфально улыбаюсь я и, не отводя от нее взгляд, обращаюсь к церемониймейстеру. – Где нам расписаться?

Анита пихает нам свою папку и ручку, тыкая пальцем, куда ставить росчерк. Ангел подписывается, даже не глядя в документ, иначе у нее наверняка возникли бы новые вопросы. Для нее все происходящее – романтическая постановка,

с недавних пор вполне вписывающаяся в ее новое представление обо мне.

– Это так мило, Брейн, – подтверждает она мои домыслы страстным поцелуем, от которого у нас обоих рвет крышу. Я бессовестно тискаю ее задницу, заталкивая свой язык в теплый и чувственный рот, и осмелевший ангел отвечает мне тем же, гортанно постанывая и глубоко вонзая ногти в мои бицепсы.

– Как насчет того, чтобы закрепить наш брак не менее крепким членом? – хрипло спрашиваю я, нехотя оторвавшись от самых сексуальных в мире губ, уже зная наверняка, что еще до заката засуну в этот рот кое-что более существенное, чем мой язык.

– Колман... – в ее голосе вдруг звучит неподдельное напряжение. Она застывает в моих руках, в глазах, устремленных куда-то в область моего подбородка и ниже, появляется страх. – У тебя кровь носом пошла.

Я инстинктивно опускаю голову, но делаю это зря. Тонкая струйка, вытекая из правой ноздри, большими густыми кляксами капает прямо на белую рубашку, образуя расплывающиеся багровые пятна, на которые мой впечатлительный ангел смотрит с нарастающим ужасом.

– Оу, держите, – быстро реагирует Анита, сунув мне смоченный минералкой платок. – На высоте такое случается.

– Колман, – сдавленно повторяет ангел мое имя, вцепившись в меня словно клещами и гипнотизируя напуганным

взглядом. Она снова что-то себе напридумывала. – У тебя кровь. Мне кажется... это какой-то знак, – голос звучит приглушенно, в глазах паника. Вот же замороченная дурочка.

– Какие на хрен знаки? – прижимая к носу платок, смешно гнусавлю я. – Мне вчера нехило вмазали, детка. Это всего лишь последствия неудачного поединка, – пытаюсь отшутиться, но ее красивое личико остается напряженным и бледным. – Тебе же сказали, что такое случается. Высота плюс разбитый накануне нос. Вот и все объяснение твоим перстам судьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.